

Таня Гроттер и Болтливый сфинкс

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и Болтливый сфинкс

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #13

Сфинксы бывают разные. Египетские, ассирийские, греческие. Но среди них только один любит заключать магические сделки. В недобрый час, когда нежить почти взяла приступом Тибидохс, именно ему в случае победы Древнир пообещал ключ от Жутких Ворот. Правда, сфинкс посулил несколько сотен лет отсрочки. И вот они миновали... Далеко не все, что ты отдал однажды, можно взять назад. Глеб Бейбарсов понимает – отказавшись от Тани, он поспешил. Однако теперь на пути у него стоит Ванька. Из-за зеркала Тантала сам расправиться с ним Глеб не может и потому выбирает необычную дуэль. Но от этого поединок не становится менее опасным, особенно если на бамбуковую тросточку Бейбарсова насажен обломок старой косы Аиды Плаховны...

Дмитрий ЕМЕЦ

ТАНЯ ГРОТТЕР И БОЛТЛИВЫЙ СФИНКС

Как упрямо весна, как упрямо

Помнит каждый земной уголок;

И на свалке – у ямы,

у ямы

Лепестки отворяет цветок.

Ну скажи, что не нужен,

не нужен!

Ну скажи, что напрасен весь труд.

Ну скажи, что у ямы,

у лужи

Его завтра машины сотрут.

Но качаясь,

качаясь сегодня,

Как читая неведомый стих,

Он так счастлив,

Что землю бы поднял

На шершавых листочках своих.

Он так счастлив своей сверхзадачей

Наши зимние души будить,

Чтобы мы, ненавидя и плача,

Не устали любить.

Глава 1

УРАГАН

В наше время мудрость нужна не затем, чтобы знать все, но чтобы сознательно ограничивать себя в излишнем знании.

Академик Сарданапал

Трижды Таня с усилием отрывалась от подушки и трижды вновь падала в нее лицом, как раненый боец. Наконец, после долгой борьбы с подушкой, Таня села на кровати и стала собираться с духом, чтобы рывком втолкнуть себя в наступающий день.

Когда ей это удалось, она бросила взгляд на грифельную доску, висевшую на стене над скелетом Дырь Тонианно, – в единственном более-менее свободном месте, куда еще можно было что-то приткнуть. С виду это была небольшая, довольно заурядная доска черного цвета с заметными меловыми разводами – «размазюками».

Вечером Таня все с нее стирала, однако с утра доска всегда оказывалась исписанной четким и властным почерком Медузии. «Контроль. Последовательность. Порядок» – таков был девиз доцента Горгоновой, которому она следовала всегда и везде.

Сегодня доска сообщала:

«Аспирантка Гроттер!

Напоминаю, что у Вас дополнительные занятия с третьим курсом по теме: «Мистическая анатомия дождевых червей и ее индивидуальные особенности». Постарайтесь, чтобы половина лекции не прошла в поисках ключа от аудитории, как это случилось в прошлый раз.

Теперь по поводу Вашего личного учебного графика. Завтра в одиннадцать утра Вы должны явиться для занятий ратной магией у академика Сарданапала. Они будут проходить в Битвенном Зале при кузне домовых.

В остальное время – обучение по индивидуальной программе.

С надеждой, что со временем у меня появится возможность уважать Вас за отсутствующие на сегодня деловые качества,

Доц. Медузия Горгонова».

Таня перечитала объявление трижды, прежде чем решилась поверить глазам. Она не так давно сдавала историю чародейства и не успела забыть, что ратная магия была строжайше запрещена на третьем конгрессе магов в Баден-Бадене в июле 1791 года. Очень сомнительно, чтобы Медузии Горгоновой не было об этом известно.

Испытывая потребность обсудить с кем-нибудь эту малопонятную ситуацию, Таня отправилась к Ягуну. Играющего комментатора она застала в трепетный период между последним сном и первым осмысленным утренним поступком. Пока же сплошняком шли неосмысленные.

Ягун бегал по комнате с трубой от пылесоса. Увидев Таню, он остановился и с немалым трудом придал лицу благопристойное выражение.

– Знаешь, что я понял? Пылесос – грозное оружие пехоты наряду с саперной лопаткой! Труба, как шест, а сзади хорошенький такой довесок на гибком

шланге. Вдарить – так все звездочки в кучку соберутся, – пояснил он.

– Ягун, ты кукукнулся? Ты в курсе, сколько тебе лет? – мягко поинтересовалась Таня.

Внук Ягге вздохнул, из чего Таня заключила, что он в курсе.

– Ты не представляешь, как сложно мужчине притворяться взрослым скомпенсированным человеком! Как это противно, тягостно и глупо обманывать окружающих, а со временем и самого себя! Следующая стадия взрослости – это надеть костюмчик и навек замуровать себя в каком-нибудь тухлом офисе, где оптом торгуют ступами, гвоздодерами для мертвецов и осиновыми кольями!

– Возьмут тебя в офис! Держи карман двумя руками! Максимум в магазин игрушек – качаться на лошадках! – заявила Таня.

Ягун с сожалением поставил трубу от пылесоса в угол и вытер ладони о штаны.

– Кстати, а это мысль! Магазин игрушек для взрослых деток и прочих ненормальных! Я бы не отказался! А вообще я тут прыгал и думал: страшно представить, насколько сильно человек в наше время находится под прессом социума. Оставляют тебе узкий коридорчик «нормального» поведения, а за любой шаг вправо или влево дают по физиономии. А мне, может, тесно в этом коридорчике?

– Ты о чем?

– Ну смотри! Вздумай я, к примеру, гоняться с трубой от пылесоса за людьми на улице или хотя бы безобидно целовать всех прохожих, говоря каждому, как я его люблю, меня мигом упрячут в психушку. Разве это честно? – капризно спросил внук Ягге.

Поразмыслив, Таня согласилась, что по отношению к Ягуну даже запрет на игру с погремушками во взрослом возрасте страшное преступление. Она оглянулась на дверь, где у Ягуна висела такая же грифельная доска, как у нее. С доски все уже было стерто, хотя подпись Медузии частично сохранилась.

– Ты способен хотя бы пять минут не хохмить? Ты читал про ратную магию завтра в одиннадцать?

– А-а-а! Так у тебя тоже! – кивнул Ягун.

– Что значит «у меня тоже»?

– Ну эта штукавина! Лоткова вообще в шоке. Утверждает, что ратная магия – это без пяти минут некромагия. Типа поди пойми, где заканчивается самый большой нож и начинается самый короткий меч. А мы-то все светлые! Хотя, если честно, я рад. Сколько лет проучились, а кроме Искриса фронтиса и всяких там трых-ты-ты-тыхсов, ничего атакующего не знаем! Позорище!

Таня посмотрела на часы.

– Сейчас же только девять. Разве Катя уже проснулась? – усомнилась она.

Ягун погладил себя по челочке. Его довольно длинные волосы раздвинулись, и оттуда помидорной зрелостью полыхнуло большое багровое ухо.

– Скажем так: ей помогли! Кто-то феноменально заботливый и настолько же милый! Получить от меня вопль в ухо и то приятно!

– Ты ее разбудил?

– А что прикажешь делать? До одиннадцати утра Катька на автопилоте. Специально для нее я изобрел новый напиток: чаекоф. И даже, заметь, не в честь композитора! – похвастался Ягун.

– Чае... что?

– Так и быть – дарю. Однажды у меня одновременно закончились чай и кофе. Того и другого осталось по половине ложки. Казалось бы, безнадега, но тут у меня в мыслях обнаружилось некое шевеление гениальности. Описать невозможно, но все истинные гении меня поймут. В общем, мамочка моя бабуся, я пораскинул мозгами, ссыпал все вместе, перемешал и у меня получился отличный чаекоф!

– Да, ты у нас известный Чай Кофыч Чифирькин, – согласилась Таня, которой хотелось говорить о ратной магии... – Ты в курсе, что все атакующие заклинания сильнее фронтиса запрещены?

– Ясный перец! – жизнерадостно согласился Ягун. – И это лично мне нравится больше всего. Никогда бы не подумал, что наш мирный Сарданапал владеет чем-либо, кроме секрета быстрого приготовления сосисок путем щекотания ноздрей дракона облысевшим веником!..

Случайно бросив взгляд на стол Ягуна, Таня обнаружила конверт со знакомым штампом купидоньей почты в форме пробитого стрелой сердца. Этот значок Ягун насмешливо называл «сердцем курильщика». Адрес на конверте был надписан почерком Ваньки. Конверт вызвал у Тани ревнивый осадок – ей Ванька писал последний раз неделю назад.

– Как он там? Что нового? – спросила Таня.

Должно быть, в голосе у нее невольно проскользнула обида, потому что в волосах она ощутила легкое вопросительное щекотание.

– Перестань! – сердито сказала она Ягуну.

– Да не дуйся ты! Чего тут непонятного? Тебе Ванька не написал, потому что постоянно в дороге. Устает как собака. На большое и подробное письмо у него нет времени. Мне же пару строк черкнул и ладно. Я же от него всяких глубинных чувствований не требую.

– А я что, требую? Да я у него вообще ничего не требую!!! – вознегодовала Таня.

Ягун лягнул ногой диван.

– Тьфу ты! Опять не то сказал! Проще разговаривать с дюжиной глухих, чем с одной внешне нормальной девушкой!

– Почему это?

- Вы все покусаны взбесившимся испорченным телефоном! Что девушке ни скажешь, она или не то поймет, или не то услышит, или не то ответит! Да все в порядке с твоим Ванькой! Любит он тебя!

- Это он тебе сказал, что любит? - уточнила Таня.

- Опять двадцать пять! Да не говорим мы с ним об этом! Любовь - вообще не мужская тема. Мы говорим о любви, только когда тема о пылесосах совсем иссякнет. Но в моем случае она иссякнуть не может, - заверил ее Ягун.

- Откуда же ты знаешь, что он любит, если вы говорите только о пылесосах? - язвительно спросила Таня.

Ягун шагнул к ней и взял ее за горло.

- Ну все, Гроттер! После знакомства с тобой выражение «Нет ума - считай калека» я воспринимаю исключительно в медицинском смысле! Мое терпение иссякло! Не перестанешь ехидничать и обижать Ваньку, я удушу тебя, как слон моську! - предупредил он.

- Разве он ее удушил? - прохрипела Таня.

- Да. Хоботом. А потом еще чуток на ней попрыгал. Но об этом басня умалчивает, потому что началось это сразу после морали! Ну что, перестанешь ехидничать?

Не имея возможности сказать, Таня покорно кивнула, и Ягун отпустил ее.

- Что пишет Ванька? Еще не нашел многоглазку? - спросила Таня, растирая шею.

Играющий комментатор мотнул головой. Вот уже месяц, как Ванька скитался, отыскивая многоглазку подземную. Уникальность многоглазки состояла не только в ее способности вновь возжигать пламя в угасших драконах, но и в том, что на всей территории России существовало всего одно такое растение.

Единственное описание многоглазки затерялось в средневековом лечебнике мага Аббакума Вытянутого. Лекарь утверждал, что отыскать многоглазку в

сотни раз сложнее, чем цветы папоротника. Многоглазка подземная показывается исключительно ночами, боясь лучей солнца. При свете луны она выбрасывает сотню невзрачных колокольчиков, которые, дрожа, пьют лунный свет. Едва горизонт начинает светлеть, многоглазка втягивается в землю и на другую ночь появляется в другом месте, часто за сотни километров от вчерашнего. И так каждый день. Зима или лето – ей безразлично. Холодов и снега она не боится.

Лишившийся не так давно своего пылесоса, Ванька гонялся за многоглазкой на одном из старых пылесосов Ягуна, но она пока успешно ускользала.

Таня с нежностью думала о нем. Ванька есть Ванька. То сиднем сидит у себя в глуши, то вдруг сорвется – ничем не остановишь. В тайгу так в тайгу, голодать так голодать, спать на земле – так спать на земле. И делается это без ложного героизма, с сознанием того, что все происходящее послано свыше и так должно быть.

Глубинной, внутренней, неспешной силы у Ваньки всегда было гораздо больше, чем у Бейбарсова или Ягуна. Таня постоянно ощущала в Ваньке ровный огонь – внешне неброский, почти незаметный, без искр, без внезапных сполохов, без дыма красивых слов.

Нужно было драться на дуэли с Пуппером – дрался, хотя и попал в Дубодам. Сказал, что не останется в аспирантуре – не остался. Даже Глебу он всегда спокойно бросал вызов, хотя их магические силы были несопоставимы. Громадные, направленные на авантюры и разрушение силы Бейбарсова – силы некромагии и смерти, и скромные, но созидательные и исцеляющие силы Ваньки.

Нет, все-таки она сделала правильный выбор, хотя сердце порой и гложет... Любовь – это аскеза, нежность и жертва. Все прочее любовью не является и лишь пакуется с ней в один пакетик для опошления торговой марки. Как жаль, что Бейбарсов никогда не мог этого понять...

Таня очнулась, только когда Ягун замахал перед ее глазами ладонью.

– Эй! Ау! Которые в астрале: как слышите меня? Прием!

– Чего тебе? – спросила Таня недовольно.

– О чем ты сейчас думала? Смотришь в стену, а я до тебя целую минуту доораться не могу! Пытаюсь подзеркалить – стена стеклянная. Лазеек нету... Ну все, брысь! Я сейчас комбинезон примерять буду!

Когда Таня уходила из комнаты Ягуна, играющий комментатор был уже занят рассматриванием внутренней бирки на новом драконбольном комбинезоне, на сей раз выписанном из Штатов и доставленном только вчера.

– Обожаю американские инструкции! Если продают, положим, волшебную палочку, то обязательно нарисуют на ней значок, что несъедобно и в ухо совать тоже нельзя. А то вдруг какой-нибудь умник в ухо засунет, а потом в суд подаст, что не предупредили, – бухтел он.

* * *

Декабрь только начался. Природа все никак не могла определиться, зима сейчас или поздняя осень, и потому стояло что-то довольно размытое, промозглое и серое.

Таня сидела на фундаменте подтопленного пляжного навеса и смотрела на океан. Ей не раз уже приходило в голову, что океан в предварительном представлении и океан такой, как он есть, – два совершенно разных океана.

Внизу, совсем близко, вода лизала камни. Звук был монотонный, повторяющийся. Волны короткие, рваные. Одна накатывала, а другая уже отступала с потерями. Обе сталкивались с коротким всплеском, точно знакомые, мельком обменивающиеся приветствиями.

У берега на мелководье вода не имела цвета, но была желтоватой от взвеси песка. Дальше шла темная, почти сизая полоса водорослей и снова песок. После песка вновь четкая, широкая полоса водорослей. Океан казался полосатым, как зебра. Правда, чем дальше, тем полосы были темнее, пока не исчезали совсем.

Недавним штормом смыло большой кусок песчаного побережья, и торчащий из воды навес, на котором сидела Таня, выглядел слегка сюрреалистично.

Чайки отдыхали на воде, лишь две-три самые беспокойные были еще в воздухе. Однако кричали они уже неохотно, лениво, как возвращающиеся с промысла цыганки.

Утро у Тани выдалось до безобразия свободным. Гоярына и его беспокойных сыновей она напоила ртутью еще вечером. Дополнительные же занятия с третьекурсниками начинались только после обеда.

Неожиданно Таня оглянулась, точно что-то позвало ее. На песке днищем кверху лежал старый рыбачий баркас. Он глубоко врос в песок, но Таня знала, что в противоположном борту глубокая пробоина, через которую легко забраться внутрь. Большинство учеников Тибидохса хотя бы однажды пережидали под баркасом дождь.

Поддавшись внезапному желанию, Таня забралась под баркас. Там было тепло и безветренно. Затхло, но приятно пахло сырым деревом и влажной смолой. Старые лодки умеют умирать вкусно. Таня легла на заготовленную кем-то толстую подстилку из мха и сухих водорослей и, повернувшись лицом к свежей струе воздуха из щели, стала смотреть на песок и берег, круто обрывающийся скалами.

Она лежала и лениво размышляла, что вот есть океан и есть рыбы, живущие на самом его дне в глубине немыслимой, где всегда кромешный мрак. Подняться наверх им невозможно. Они никогда не видели неба и солнца, и скажи им кто-нибудь, что небо и солнце существуют, рыбы не сумели бы понять, о чем речь. Есть и другие рыбы – обитающие в средних глубинах. Наверное, эти, в отличие от первых, раз или два в жизни увидят солнце, но вскоре забудут о нем. Там, наверху, у них дел нет. Они слишком заняты делами насущными, чтобы думать о вечном. И, наконец, существуют рыбы, живущие у поверхности и видящие солнце ежедневно. Некоторые рыбы, летучие, способны даже иногда взмыть над водой и, раскинув плавники, пронестись над ней.

Таня сама не заметила, как уснула. Последней была мысль, что она подобна летучей рыбе. Что-то же заставляет ее запрыгивать на контрабас и нестись неведомо куда в поисках неведомо чего? Что-то настойчивое, ищущее. Когда же она возвращается, вновь на нее наваливаются пустота и тоска великих, закисающих в бездействии сил.

«Я как курица, познающая радость полета лишь на краткие мгновения, пока она вспархивает на забор. От полета и воспарения духа я мгновенно устаю и падаю с забора в опилки, хлопая слабыми крыльями», – подумала Таня, не проваливаясь, но мягко ныряя в сон.

Ее сон был коротким и жутким. Во сне Таня пыталась напиться, но вода в чашке, которую она подносила ко рту, превращалась в стекло. Неожиданно Таня осознала, что чашка исчезла, а она летит на контрабасе. Причем летит почему-то пассажиром. Впереди, со смычком в руках, сидит некто, за чьи плечи она вынуждена цепляться, чтобы не упасть.

«Что это на меня нашло? Сроду на свой контрабас никого не пускала, а тут торчу позади кого-то, как домохозяйка на семейной метле!» – растерянно подумала Таня.

Внезапно тот, кто вез ее, направил смычок вниз. Контрабас послушно ушел в пике. Таня прикинула, что выйти из него будет непросто. Слишком оно непродуманное, да и инструмент опасно перегружен. Таня попыталась указать тому, кто ее вез, на опасность, но тот будто нарочно не услышал. Контрабас разгонялся все быстрее. Теперь его не остановило бы даже ускоренное тормозящее заклинание. Впереди Таня увидела землю, а в ней уходящую вглубь расщелину.

Таня попыталась перекричать ветер, вырвать смычок, потом принялась колотить неизвестного лихача кулаком по спине. Спина оказалась неожиданно холодной и гулкой. Лихач наконец оглянулся. Таня поняла, что это Бейбарсов, причем нагло ухмыляющийся.

Закричав, Таня вырвалась из потных ручек кошмара и рывком села, ударившись лбом о низко нависшую скамейку баркаса. Это ускорило пробуждение и помогло ей быстро вернуться к реальности. Потирая лоб, Таня выползла из-под баркаса и, оглядываясь на ставший вдруг сизым океан, пошла к контрабасу. Вслед ей, залиывая следы на песке, дул ветер.

Таня поймала себя на мысли, что после этого дурацкого сна ей страшно садиться на контрабас. Первые минуты она летела с непривычной осторожностью. Уверенность вновь вернулась лишь над тибидохским парком.

В парке у пруда ей попался Ягун, на коленях умолявший Милюлю расстаться с длинными волосами – главным украшением русалки.

– Ты отрежешь косу, а я ее пропущу внутрь трубы пылесоса! Волосы русалок прекрасный нейтрализатор вони! Ну разве не здорово? – убеждал он.

Милюля ударила хвостом, окатила Ягуна гниловатой водой и нырнула.

Играющий комментатор встал и отряхнул от песка колени.

– Вот он, матерый эгоизм! Все себе – ничего людям! Живую рыбу ест, дура, а косу отрезать не соглашается! – с досадой сказал он.

Когда Таня опустилась с ним рядом, Ягун спросил:

– Чего ты такая кислая? И на спине водоросли!

– Я заснула под баркасом. Мне даже успел привидеться Бейбарсов, который пытался вместе со мной разбиться на моем контрабасе... – не удержавшись, пожаловалась Таня.

Она надеялась на серьезное отношение к своему сну, но Ягун стал тихо ржать, кусая себе руки.

– Ты больной? – сердито спросила Таня.

– Нет. Веселый. У меня на каждую твою жалобу своя ассоциация. Знаешь, что Великая Зуби недавно открыла кружок поэтов? Я хоть стихов не пишу, немедленно записался вольнослушателем. И знаешь, что я понял? Здоровущие поэтессы с косами в кулак и румянцем, граничащим с диатезом, вечно пишут трагические поэмы. Мистика сплошная, все у всех плохо, заунывно. И душу она отдаст кому попало, и в Тартар ее увлекут, и больная она вся в стихах насквозь, и умирающая. Прямо зарыдал бы, да платок дома забыл!.. И, напротив, если выходит тощенькая, бледненькая поэтеска, значит, девять из десяти, стих будет бряцающий, полный жизни. Битвы на мечах в Валгалле, зори рдеют, земля трясется, от страстных поцелуев на передних зубах эмаль трескается. Короче, энергии как пальцами в розетку.

– А я тут при чем? – подозрительно спросила Таня, которая, как большинство наследниц Евы, могла слушать любой текст, только переводя его на себя.

– А при том, что твой сон про Бейбарсова в духе этих стишков! И контрабас отобрали, и скалы внизу, и некромаг ухмыляющийся приплелся – прям ужасы такие, что мамочка моя бабуся! Дрыхнуть надо меньше!

Таня задумалась. В словах Ягуна явно прослеживалась логика. Кроме того, у Тани внезапно возник соблазн кое-что уточнить.

– Слушай, просто интересно: а внешне я какая? Здоровущая или зелененькая?

– Внешне ты маскируешься под нормальную, – заверил ее Ягун. – А это значит, что ты где-то посередине и вечно мечешься между двумя этими берегами.

* * *

В Тибидохсе на Жилом Этаже Таня неожиданно встретила Шурасика. Международных масштабов ботаник, одетый в фиолетовую мантию Магфорда, шагал по коридору, размахивая руками и пиная перед собой чемодан.

– О, привет! Проводи меня! Поболтаем! – крикнул он Тане.

Таня пошла с Шурасиком. Тот был сильно не в духе и жаловался на конченных английских бюрократов. Эти «мертвяки второго созыва», как охарактеризовал их Шурасик, отправили его в Тибидохс брать выписку из протокола заседания кафедры нежителиеведения за позапрошлый год. Казалось бы, работенка проще пареной репы, да только коса нашла на камень. Громоздкая магфордская бюрократия столкнулась с обычным тибидохским раздолбайством.

Архивы кафедры хранились у Медузии. Ключ от сейфа с гербовой печатью – у Великой Зуби. Право ставить печать на выписке имел только Поклеп, который требовал две визы: Сарданапала и Безглазого Ужаса. Безглазый Ужас взял отгул по причине полнолуния. Сарданапал же, не любивший Магфорд, тянул время, требуя у Шурасика, чтобы тот доставил из Англии письменный запрос с указанием цели получения выписки.

Сообразив, что ему придется задержаться в Тибидохсе на пару дней, Шурасик вытребовал себе гостевую комнату, в которую сейчас и направлялся.

В гостевой комнате Таня с интересом огляделась. Раньше она здесь никогда не была. Посреди комнаты стоял старый диван, занимавший много места. Шурасик неожиданно пожелал, чтобы его убрали.

– Я к этому прикасаться не буду! – заявил Шурасик, за время проведенное в Магфорде успевший обзавестись капризами. – Пусть это вот отсюда унесут и заменят на обычную кровать!

– А что, самому нельзя? Перстень тебе на что? – спросила Таня.

Шурасик упрямо скрестил на груди руки.

– И пальцем не пошевелю! Я верю в узкую специализацию! Специалист по забиванию гвоздей не должен заниматься вкручиванием шурупов! Именно поэтому данный диван должен двигать не я, а специально обученный кадр, который изучал в свое время историю диванного дела, принципы передвижения мебели по разным видам напольного покрытия и всякое такое!

– Хорошо! Я позову специалиста! Только не занудствуй! – терпеливо сказала Таня.

Через пять минут в комнату вошел ковыряющий в носу циклоп, взял диван под мышку и ушел, на прощание неметко плюнув в форточку.

– погоди! Это не тот олух, что торчал с дубиной у лестницы? – с подозрением спросил Шурасик, внезапно обнаруживший, что, хотя диван и уволокли, кровать никто принести не удосужился.

– Ты обознался. Это дипломированный специалист по диванам.

– А кровать моя где? Мне что, стоя спать?

– Специалист по кроватям прибудет позднее. Сейчас он на симпозиуме по сборке маломерной мебели, – заверила его Таня.

Распрощавшись с Шурасиком, Таня занесла контрабас в комнату. В комнате было холодно. Ветер играл плюмажем на шляпе Дырь Тонианно и посвистывал в глазницах черепа. Оказалось, пока Таня летала, ветер распахнул раму и сбросил с подоконника денежное дерево. Уже полгода Таня поливала его из стакана, на дне которого лежала горсть мелочи. Один из младшекурсников, Андрей Рахло, под взглядом которого полированные стулья набухали почками и выстреливали молодые побеги, сказал ей, что это к деньгам.

Увы, в Танином случае это не срабатывало. Мелочь в стакане благополучно покрывалась зеленью, финансовое же положение по-прежнему оставалось удручающим. Видно, деньги, как очевидное изобретение мрака, согласны приходить лишь к тем, кто готов оплачивать их появление кусочками души, кроша ее как высохший батон.

В комнате Тане не сиделось. Упругая сила жизни наполняла ее. Стены давили, потолок напал. Буквы в конспектах ехидно подпрыгивали и мешали честно подготовиться к дополнительным занятиям с третьекурсниками.

«Придется импровизировать на месте!» – со вздохом подумала Таня, предчувствуя, что сегодня тринадцатилетние оболтусы вгонят ее в гроб. Это все Медузия! Вот кто обожает бросать аспирантов на амбразуры! Другое дело Сарданапал. Тот вспоминает, что у него есть аспиранты, только когда в дверях его кабинета по семь раз в день с особой настойчивостью начнет прорисовываться некая смутно знакомая физиономия.

Для Тани занятия с третьекурсниками становились чем-то вроде преддверия Тартара. Треть урока ей приходилось восстанавливать в классе тишину. А ведь у Поклепа или Великой Зуби «детки» сидели тихо, как дохлые черви в пакете с лапшой. Зато у нее, разумеется, все отрывалось по полной. Таня уже успела разобраться, что громче всего орут и шумят всегда на тему: «Не шумите! А ну перестали шептаться!» Должно быть, потому, что, восстанавливая порядок, можно вопить как угодно громко, с полным моральным правом на сотрясение воздуха.

Другие две трети урока были ничуть не лучше. Среди учеников регулярно попадался юный гений, видевший цель своей жизни в том, чтобы доказать Тане, что она глупа, как амеба. Подобный гений обязательно спрашивал что-нибудь вроде: «А как сказались второе падение редуцированных на магические причеты в землях Великого Новгорода?»

Вопрос задавался всегда с честными глазенками, однако Таня по пакостной ухмылке вопрошающего всегда ощущала, что он-то знает ответ, а вот она, Таня, разумеется, нет. Приходилось отвечать гению что-нибудь в духе:

– Эту тему мы осветим позднее на дополнительном уроке, на котором вместе с тобой останется весь класс. А теперь вытащи, пожалуйста, карандаш из носа и засунь его хотя бы в ухо, а то меня тошнит!

Нет, все-таки ее стихия драконбол. Занятия с младшей драконбольной командой нравились Тане гораздо больше. К сожалению, тренировки сейчас проводились только раз в неделю, по мере того как группа Тани постепенно выписывалась из магпункта.

– Танюш, тебе не приходило... э-э... в голову, что сыновья Гоярына уже выросли и не стоит выпускать их на новичков, которые и на пылесосе-то... э-э... едва сидят? – осторожно интересовался у нее Соловей.

– А кого мне на них выпускать, если других драконов нет? Гоярына? Или самой летать за ними с бензопилой? Я не рвусь, а Ягун, между прочим, рвется, – бурчала Таня.

– А без драконов пилотажу обучать нельзя?

– Ага. А лучше и пылесосов не выдавать, чтоб не упали. Пусть скачут по стадиону на палках и орут «иго-го!» и «тпр-ру!», как на вводном занятии конноспортивной секции! – сердито говорила Таня.

Соловей кричал на нее, топал ногами, однако перед Сарданапалом стоял за Таню горой, утверждая: «Обычные люди учатся на ошибках, а молодые тренеры и доктора – на трупах, которые еще на что-то надеются!»

Сейчас Тане пришла вдруг мысль послушать, как проходят уроки у других преподавателей. Она поднялась по лестнице, прокралась к дверям кабинета Медузии и прильнула к ней ухом.

– Сегодняшняя наша тема связана не столько с нежитеведением, сколько с тренировкой внимания. Пишите: «Сказочное оригами», – услышала она голос

доцента Горгоновой. – Перед каждым из вас на столе лежат четыре листа бумаги. Они, по сути, ничем не отличаются, но лишь до тех пор, пока мы не начинаем складывать из них нечто. Первый слой называется maelog. Это то, что вы кладете снизу... То, что вы кладете на то, что вы кладете снизу, называется maelogvidikor. Третий слой – maelogvidikorremoloeg. Его кладут сверху того, что кладут на то, что кладут снизу. И, наконец, последний слой – maelogvidikorremoloegmederong. Его, как несложно догадаться, кладут на то, что помещают на то, что кладут на то, что кладут снизу.

Таня ощутила, что мозги у нее начинают медленно плавиться.

– А что означает сама фигура? – спросил тонкий девчоночий голосок.

– Сама фигура не означает ровным счетом ничего! – категорично отрезала доцент Горгонова. – Для сказочного оригами это непринципиально. А теперь, чтобы вы – конкретно вы, дорогая моя, не отворачивайтесь! – усвоили все в правильной последовательности, повторите все, что я сказала, начиная с maelogvidikorremoloeg и до maelogvidikorremoloegmederong.

– Но я ничего не запомнила!

– Тренируйте память, Анечка! У вас что в черепе, мозги или одни дырки для волос?

– Вы не имеете права спрашивать! Это новый материал! Правилами школы это запрещено! – вступился за нее головастенский мальчуган.

Тане стало жутко. Сказать такое Медузии мог только явный самоубийца. Однако Медузия была настроена благодушно.

– Вот и прекрасно, что материал новый! Значит, он еще не успел изгладиться из памяти у Анечки, укрепленной долговременным ковырянием в носу! А вас, господин правовед, я попрошу остаться после занятий и помочь мне почистить клетки с хмырями. Фартук и респиратор я вам выдам.

– Но почему я? – простонал бедолага.

– Как почему? Насколько мне известно, в правилах школы, которые вы так любите, оговорены «помощь в организации учебного процесса» и «уход за наглядными пособиями»!.. – ледяным голосом сказала Медузия.

Тугой порыв воздуха толкнул дверь. Таня услышала, как по классу пронесся безбашенный молодой ветерок, срывая со столов все приготовленное для оригами.

Взглядом вернув на место сорванный шпингалет, доцент Горгонова захлопнула окно.

– Погода портится! Я всецело согласна с вами, уважаемые мои, однако это не повод всем вскакивать с мест! Упавшие бумажки можно вернуть с помощью элементарного телекинеза! – услышала Таня ее голос.

* * *

Ураган, первым посланцем которого был еще вчерашний ветерок, разыгрался на рассвете. Он принесся с океана, проскользнув в разрыв между скальными грядами. Первым делом ураган взлохматил и частично переломал вершины соснового бора. Свалил в пруд старый дуб, что вызвало ожесточенную стычку между лешими и водяными, в которой пострадало несколько русалок, одна наяда и три нервные дриады. Причем дриады по собственной горячности, неосторожно сунувшись преследовать врага на мелководье.

Дальше ураган пронесся по парку, опрокидывая статуи, которые Поклеп не успел убрать в ящики с песком. У поручика Ржевского ураган вызвал такой бурный восторг, что он охрип от радостных воплей, едва не заболел от перевозбуждения и растерял все торчащие у него в спине ножи.

Недолеченной Даме, как личности до кончиков ногтей трагической, буйные восторги мужа не нравились. Она скорее предпочла бы, чтобы он порыдал где-нибудь в сторонке или по примеру Безглазого Ужаса слегка пораскинул мозгами по подвалам Тибидохса.

– Вольдемар, умоляю вас: будьте благоразумны! Не надо экстазов, криков, ничего этого не надо! – настойчивой осой гудела она.

Таня услышала ураган на рассвете. Не зная еще, что это такое, сквозь сон удивилась монотонному гулу и шуму, которые издавали массивные, окованные железными полосами подъемные ворота. Ветер давил на них с ровной, беззвучной силой. Ворота стонали и раскачивались на цепях.

На тесную площадку, окруженную с трех сторон стенами, нанесло океанской пены, и она лежала огромной, почти в треть башни желтоватой шапкой. Рыхлая влажная земля, сорванная с клумб, налипала на мраморные основания статуй. Она же забила фонтаны.

К десяти утра могучий ураган, до того наступавший единым фронтом, ослабел и распался на множество буянящих ветерков-мародеров. Гуляя по двору Тибидохса между его башнями и многочисленными постройками, ветрамародеры опрокидывали бочки, охотились за плохо запертыми форточками, срывали и закручивали вывески.

В четверть одиннадцатого в окно к Тане забарабанил Соловей.

- Драконы! - крикнул он, задыхаясь, и, не объясняя ничего, умчался.

Таня схватила контрабас и полетела за ним. Ветер рванул ей навстречу, но сил для атаки у него уже не оставалось, и он лишь швырнул ей в глаза горсть пыли.

Ворота ангара сыновей Гоярына были вдавлены внутрь и распахнуты. Ангар же Гоярына больше напоминал консервную банку, которую за отсутствием ключа вскрыли топором, а после бросили в костер, чтобы она как следует обуглилась.

Увидев Таню и Соловья, джинны-драконюхи заметались, симулируя деятельность. Потом все быстро слиняли. Лишь один, которого Соловей настиг, пояснил, что случилось.

Первым ураган атаковал ангар с молодыми драконами и выдавил ворота. Сыновья Гоярына стали в испуге метаться и улетели. Причем улетели все шесть - Ртутный, Пепельный, Стремительный, Искристый, Огнетный и Дымный. Перед тем как улететь, Огнетный немного прочистил стадион от лишних, по его мнению, скамей.

Гоярын, возбужденный воем ветра и тревожными криками сыновей, стал биться в ангаре. С воротами он не совладал, но проломил хвостом крышу, спалил огнем те скамьи, которые оставил ему добрый сынок, и тоже улетел.

– А вы почему не ловили? Вас же тут, дармоедов, целая толпа! – рявкнул Соловей.

Джинн горячо залопотал что-то невнятное, из чего Таня заключила, что им, бедолагам, помешали роковые обстоятельства, которых он, Махмуд ибн Юсуф ибн кто-то там, еще не придумал.

– Но драконов же удержала Грааль Гардарика ! – с надеждой сказала Таня.

– Ураган снес Грааль Гардарика еще на рассвете. Иначе он вообще не ворвался бы на Буян! Не думаю, что Сарданапал восстановит ее раньше вечера. Где к тому времени будут драконы, предсказывать не берусь, – отвечал Соловей.

В его голосе была непривычная горечь. Плоское желтоватое лицо казалось вылепленным из мятой бумаги.

– А если догнать? – сгоряча вызвалась Таня.

Соловей усмехнулся и ничего не ответил, позволив ей самой осмыслить всю наивность затеи.

Драконы, особенно испуганные или разозленные, летят вдвое быстрее любого контрабаса, не говоря уже о пылесосах, метлах и прочем мусороуборочном инвентаре. Драконюх же неспособен был даже внятно объяснить, в какую сторону они полетели. Ему вообще показалось, что в разные, хотя потом все почти наверняка сбились в стаю.

– Я все равно полечу! Вдруг повезет! Драконы могут носиться над Буяном кругами! – упрямо заявила Таня.

– Не сейчас! – отрезал Соловей. – Только попробуй не послушаться – узнаешь, что такое штопорный свист! Одна закрученная струна от твоего контрабаса, думаю, все же останется.

Таня усомнилась, что у Соловья поднимутся губы на ее заслуженный инструмент, однако проверять не стала. В некоторых случаях «нет» может означать «да», однако сейчас лучше не экспериментировать.

- Но почему? - спросила она.

- Посмотри на небо! - велел Соловей.

Таня послушалась. Воздух как-то странно сгустился. Казалось, его можно резать ножом и укладывать на бутерброд. Со всех сторон на Буян напоздали многослойные тучи. Сверху сквозь них еще робко пыталось пробиться солнце, однако ближе к земле тучи стали уже фиолетово-сизыми, непроницаемыми.

- Хотите сказать, в таких тучах я их не найду? - беспомощно спросила Таня.

- Хочу сказать, что через двадцать минут ты не найдешь Буяна, - пояснил Соловей.

Он не ошибся. Не успела Таня вернуться в Тибидохс, как снег повалил так густо, точно там, наверху, двести тысяч подушек одновременно сделали харакири. Снег налипал на одежду, на волосы, даже на ресницы. Таня едва добралась до окна. Отяжелевший контрабас повиновался плохо. Таня поняла, что не послушайся она тренера и помчись искать драконов, она сгинула бы без следа в этой снежной массе, такой густой, что даже смычок в вытянутой руке едва различала.

Снег валил весь день. Он заполнил ров и иссяк лишь к вечеру. Громадные тучи высыпались без остатка. «Отбомбились!» - констатировал Ягун. Парк занесло, и лишь незамерзший пруд смотрел в небо немигающим и растерянным темным зрачком.

Глава 2

NEC PLURIBUS IMPAR [1 - Не уступающий и множеству (лат.). Девиз французского короля Людовика XIV.]

Невозможно закопать на пути человека все ямы, зато можно научить его из них вылезать.

Медузия Горгонова

Ванька не любил гостиниц в небольших городах. Точно солдаты, которым приказали рассчитаться на первый-второй, они делились на две примерно равной численности группы. Одни были убитые и прокуренные. Запах табака навечно поселился в их покрывалах и шторах и не выветривался даже заклинаниями ураганного ветра. Кран в ванной капал прозрачными слезами, а ночью через равные промежутки времени горестно булькал, всхлипывал или икал. Населялись такие гостиницы большей частью командированными, которые вечером дисциплинированно расходились по номерам, прежде товарищески разводя ослабших от непрерывного бухучета.

Гостиницы второй группы были полной противоположностью первым. Шторы в них не пахли табаком, краны не капали, лифты не гудели, а номера открывались не прокручивающимися ключами, а магнитными карточками. В каждой комнате обязательно стояла вазочка с сушеными лепестками роз. На телевизионном пульте обретался таинственный след помады, а кокетливые шторы напоминали фату невесты. На стенах селились картины, изображавшие не родные березки, а какой-нибудь манерный европейский городок.

Командированные в гостиницах второго рода почти не водились. Населялись они в основном мирными пожилыми стадами путешествующих германцев, а также американцами и англичанами средних лет, невесть что забывшими в российской глубинке. Эти вторые на туристов были похожи мало, а на собственников крупного бизнеса еще меньше. На лицах у них был вечный насморочный сплин. По утрам за завтраком они долго щекотали желтым ногтем дрожащий омлет, точно желая услышать, как он не выдержит и хихикнет.

Знатоком гостиниц Ванька стал не так давно и во многом поневоле. Ночами, коченея на пылесосе, он выслеживал неуловимую многоглазку. Всматривался в синевато-пористую, похожую на застывшие волны, снежную гладь, надеясь увидеть внизу слабую вспышку маленьких цветов.

Ваньку вела та спокойная, неприметная сразу сила, которая всегда заставляла его доводить намеченное до конца, какие бы непредвиденные препятствия ни появлялись в процессе. Сила эта проявлялась давно и во всем. Еще до Тибидохса, когда ему было лет восемь, Ванька задумал построить яхту внутри бутылки. По неопытности с самого начала он промахнулся и бутылку взял неподходящую, пивную, мало того что с зеленым малопрозрачным стеклом, но еще и с дефектным утолщением внутри горлышка, которое мешало проталкивать внутрь детали. Но все же он справился, хотя у него ушло на это долгих четыре месяца.

Так же получалось и теперь. Местонахождение многоглазки Ванька ощущал с точностью в пятьдесят квадратных километров. Другими словами, найти ее было так же трудно, как яблоко, о котором только и известно, что оно спрятано где-то в Москве. Ночь проходила за ночью, а поиск все не давал результатов.

Под утро окоченевший, почти превратившийся в сугроб Ванька осознавал, что ему надо где-то отогреться и отоспаться. Спать в поле не решился бы даже маг уровня Сарданапала. Даже джинн Абдулла не отважился бы, ибо от мороза джинны сгущаются и впадают в спячку.

Ванька разворачивал карту и отыскивал на ней тот населенный пункт, что был поближе. В поселках гостиницы встречались нечасто, так что, при возможности, он предпочитал выбирать город, даже если до него надо было лететь на час дольше.

Где-нибудь недалеко от гостиницы он, стараясь не привлекать внимания, снижался, делал два-три приседания, разминая ноги, и входил. Иногда Ванька задумывался, за кого его принимают в этих гостиницах? Обмерзшего, с обмороженным лицом, едва владеющего речью от холода. Без вещей, зато с пылесосом в руках. Ноги до колен были в ледяных штанах, которые при каждом шаге звенели и роняли сосульки. Объяснялись «штаны» просто. Выплюывая из трубы огонь, пылесос растапливал оседавшую на нем изморозь. На брюки Ваньке стекала вода, при первом удобном случае замерзавшая.

С деньгами у Ваньки было не то чтобы туго, а вообще никак. Начиная со школьных лет все его существование подтверждалось правилом, что ниже нуля чисел нет. В результате за гостиницу и еду Ванька предпочитал расплачиваться заклинанием халявум. После зеленой искры выражение лица у администраторши обычно становилось удовлетворенным, и она принималась

самостоятельно заполнять карточку, тщательно списывая паспортные данные с какого-нибудь рекламного проспекта.

Вот и в этой петрозаводской гостинице все было как всегда. Даже подозрительно «как всегда», что Ванька осознал позднее. Администраторша, суровая с виду, необъяснимо блондинистая дама с темными сомкнутыми бровями, внезапно смягчилась и, рассматривая всунутый ей Ванькой календарь с городской набережной, позаимствованный тут же, на стойке, воскликнула:

- Надо же! Вас действительно так зовут?

Ванька вежливо улыбнулся. Две секунды назад он мысленно произнес паспортное заклинание ксивум , и, разумеется, представления не имел, какое имя администраторша прочитала на календаре.

- Бывают же такие совпадения! Неболяка Остап Тарасович! Так звали начальника моей бабушки! Хороший был человек, отзывчивый, подполковник запаса! Все, бывало, придет, на коленях покачает! – продолжала умиляться администраторша.

Ванька слегка удивился. Обычно ксивум срабатывал на кого-то из родственников по мужской линии, хотя, конечно, магия могла дать сбой.

Получив ключ от номера, Ванька направился к лифту, наметанным глазом определив, что гостиница скорее марципаново-кокетливого рода, чем табачно-командировочного. Что ж, тоже неплохо. Правда, когда его пылесос оттаает, цветочными лепестками здесь будет пахнуть значительно меньше.

На полдороге к лифту путь Ваньке преградил швейцар, по причине морозов обитавший не снаружи гостиницы, а в холле. Ванька молча показал ему магнитный ключ от номера. На сытое лицо швейцара выползло удивление. Такие, как Ванька, гостили у них редко.

- Помочь донести вещи? – предложил швейцар.

- Вещи на вокзале. Принесу позднее, – с привычным щемлением совести соврал Ванька.

После колких буравчиков Поклепа бульдожьи глазки швейцара не могли укусить его достаточно больно. Им только и оставалось, что хватать Ваньку за заснеженные ботинки и покрытые коркой льда брючины.

– А это?.. – палец швейцара ткнул в пылесос.

– Выставочный образец! – заученно ответил Ванька, успевший уже привыкнуть к тому, что каждая профессия накладывает на человека свой отпечаток.

Швейцар задумчиво покосился на покрытый вмятинами, с облупившийся краской образец, из трубы которого на пол упала большая мутная капля, с подозрением принялся и предупредил:

– Имей в виду! У нас курят только на балконе!

Ванька, никогда в жизни не куривший, пообещал курить только на балконе.

Поднявшись на пятый этаж, он мельком взглянул на схему, изображенную на магнитном ключе, и свернул налево. По дороге ему попались два автомата – один с булькающим бочонком минеральной воды, другой для пополнения счета мобильных телефонов. Сразу после второго автомата коридор резко сузился.

Ванька понял, что его комната крайняя. Свет в узком аппендиксе, ведущем к номеру, не горел. Навстречу от двери качнулась длинная фигура. Ванька, не сразу привыкший к полумраку, несколько раз моргнул, прежде чем узнал. Перед ним стоял Глеб Бейбарсов.

– Привет! – сказал Ванька машинально и тотчас пожалел, что поздоровался. Не те у них были отношения.

Бейбарсов молчал, с иронией разглядывая его. В отличие от Ваньки, который больше напоминал оживший сугроб, Глеб был одет с иголочки. Дорогие светлые туфли, не ведавшие соленой каши подмороженных улиц, черный костюм от Червелли и Гробано, белоснежная рубашка. Только галстук отсутствовал и ворот был расстегнут, что придавало визиту Бейбарсова эдакую снисходительную неофициальность.

Правую руку Глеб зачем-то держал в кармане. Заметив, что Ванька смотрит на нее, он усмехнулся и показал Ваньке пустую ладонь.

- Боишься? – спросил он насмешливо.

- И не надейся! – задиристо сказал Ванька. – Ты что, тоже здесь поселился? И давно?

- Думаю, секунд тридцать назад, – заверил его Глеб.

- И надолго?

- Пока не закончу одно дело, – таинственно ответил Бейбарсов.

Ванька не стал спрашивать, что за дело. Он и так чувствовал, что «одно дело» – это он сам. Оставалось только уточнить, в какой мере некромаг собирается его «закончить».

Ванька и сам до конца не понимал почему, но он действительно не боялся. Несмотря на то что магические возможности их были несопоставимы, он ощущал, что существует сила, гораздо более могущественная, чем мрак. Сила, которая охраняет его и не позволит некромагу ни посягнуть на его жизнь, ни разлучить с Таней, если, конечно, он сам не отступится, не пойдет на попятный и не предаст в сердце того, что ему дорого.

- Как ты меня нашел? – спросил Ванька.

- Зеркало Тантала... – небрежно пояснил Глеб. – Я знаю, где ты в любую секунду дня и ночи. Я могу даже посмотреть твоими глазами, если закрою свои.

- А я вот нет, – сказал Ванька.

- Что, серьезно? – удивился Глеб. – Мне казалось, зеркало наделяет этим даром обоих. Странно.

- Да, странно, – согласился Ванька. – Магщество тебя еще ищет?

– Изредка. Либо когда я очень нарываюсь, либо когда кому-то из охотников хочется личного экстрима, – последовал неопределенный ответ.

Ванька открыл номер карточкой и вошел, зацепив дверь пылесосом. Бейбарсов, не дожидаясь приглашения, проследовал за ним. В комнате он сразу метнулся к окну и задернул шторы, хотя в комнате и так было темновато.

Ванька не стал спрашивать зачем. Он и без того понимал, что Глеб скрывается. Вот только кто, интересно, увидит его на высоте пятого этажа да еще в номере, выходящем окнами на пристань, где до весны вмерзли в лед красные ракеты, идущие на Кижы?

Существовало и нечто иное, чему Ванька не мог найти объяснение. Он смотрел на белое лицо Бейбарсова и ему чудилось, что Глеб упорно поворачивается к нему только левой стороной. Правую же таинственно прячет, стараясь, чтобы на нее не упал свет от окна.

Ванька скинул деревянную от мороза куртку и повесил ее на батарею.

– Что, тяжелые времена? – поинтересовался Бейбарсов, наблюдая, как Ванька ломает смерзшиеся шнурки на ботинках, прежде чем развязать их.

Ванька не ответил, позволив дурацкому вопросу повиснуть в воздухе и вернуться к самому Бейбарсову. Дурацкие вопросы существуют не для ответов, но исключительно для повышения внутреннего рейтинга тех, кто их задает.

– Ну? Молчание – знак согласия? – уточнил Глеб.

– Или игнорирования, – предложил другую версию Ванька.

Он поочередно избавился от ботинок и теперь разглядывал носки. Снег пролез в голенища, и по носкам сверху вниз расползлась влага. У Ваньки была походная привычка стирать и сушить носки искрами, не снимая их. Небольшое облако пара и на тебе вновь свежие, чистые и сухие носки. Гораздо проще, чем прыгать у крана, засовывая внутрь носка мыло, тереть, доставать мыло с приставшими к нему нитками, а затем вешать мокрые, точно дохлые, носки на батарею.

Решив, что церемониться с Бейбарсовым не имеет смысла, Ванька высушил носки искрами и с вызовом подул на кольцо. Облако пара поднялось и растаяло.

– Страдаешь от избытка внутренней культуры? – поморщившись, спросил Бейбарсов.

Ванька подумал, что он мог бы и не морщиться. Запах был вполне нейтральным, да и брезгливость некромагов, которых еще в раннем детстве заставляют зубами сдирать кожу сдохлых котят, не следует преувеличивать.

Не обращая на Бейбарсова внимания, Ванька подошел к окну, открыл его и свистнул, подзывая рюкзак. Минуту спустя серый, раздувшийся от вещей рюкзак тяжело перевалился через подоконник. Он был покрыт изморозью. Ремни обледенели. Тащить его с собой в гостиницу Ванька не решился. С такими рюкзаками не пускают и на три вокзала в Москве.

– Твой? – спросил Глеб.

– Мой.

– Оно и видно. Ты туда что, бутылки собираешь? – брезгливо поинтересовался Глеб.

– Опасаешься конкурентов? – в тон ему ответил Ванька.

Ответ получился удачным. Лощеный Бейбарсов пожелтел, как обваренный кипятком лимон.

Из рюкзака Ванька извлек миксер и пять пачек дешевых папирос без фильтра. Он ссыпал папиросы в болтавшуюся на ремне рюкзака железную кружку и, насвистывая, стал перемалывать их миксером. Затем тщательно выбрал самые крупные куски бумаги и достал из рюкзака большой термос.

– А сейчас можешь зажимать нос! Бульон из тухлых селедочных голов пахнет не особо приятно! – предупредил Ванька, откручивая крышку термоса.

Нос Бейбарсов зажимать не стал, только насмешливо вздрогнул бровью. Как Ванька и предполагал, брезгливым он становился только, когда находил это выгодным. Ванька ссыпал внутрь бульона табак и, поспешно закрутив крышку, тщательно разболтал.

– Уф! Теперь хотя бы дышать можно. Я пробовал покупать трубочный табак, но он не везде есть, да и дорого, знаешь ли, – пояснил Ванька.

– Зачем это тебе? – спросил Бейбарсов.

– С утра вылью в бак пылесоса. Я много летаю. Русалочья чешуя мне не по карману. Приходится мудрить.

– И что, пылесос на этой дряни не глохнет? Фильтры не забивает? – усомнился Глеб.

– Нет. Только один раз было: «дыр-дыр-дыр» и двигатель остановился. Я падаю. Пытаюсь хотя бы ойойойсом подстраховаться, да только кольцо обледенело. Я на него дую, о куртку тру – дохлое дело. Но, видно, фильтры встречным ветром продуло, и движок снова завелся. Правда, почти у земли уже.

Ванька рассказывал об этом, как о чем-то довольно забавном, хотя в момент, когда все происходило, забавно ему не было.

– Ты самоубийца! – сказал Бейбарсов без осуждения. Констатировал факт.

Внезапно рюкзак у ног Ваньки зашевелился. Внизу рюкзака что-то пузырем вздулось, а затем решительно стало выкарабкиваться наружу.

– Разводим крыс на мясо? – с интересом спросил Глеб.

Он смотрел на раскрытую горловину рюкзака, однако узкая, как у морского конька, голова показалась из бокового кармана. Немигающие глаза сердито уставились на Бейбарсова. Из ноздрей вырвалась едкая струйка дыма, которая легко могла перейти во что-то более существенное.

Тангро выполз на рюкзак и неуклюже, со сна, захлопал кожистыми, маленькими, как у цыпленка, крыльями. Как и прежде, он был не крупнее двухмесячного котенка, салатново-зеленый. Когда Тангро вздыхал, в ноздрях-запятых вспыхивали алые искры. Острый, как пила, гребень начинался от шеи и шел до кончика хвоста. На пару секунд Тангро завис над рюкзаком, а затем решительно полетел к Бейбарсову.

Ванька прекрасно понял, что это означает, и метнулся за ним. Чудом перехватив Тангро, он прижал его к груди. В прыжке Ванька сбил Тангро прицел. Струя пламени, предназначенная Глебу, лизнула стену. Запахло паленой проводкой. Выворачиваясь, Тангро сердито забился в руках у Ваньки. Чешуя мгновенно нагрелась, покраснела, и Ваньке, чтобы не сжечь ладони, пришлось завернуть пелопоннесца в полотенце.

– В куколки не доиграл, Валялкин? И как зовут этого карманного зверя? – спросил Глеб.

– Никак, – резко сказал Ванька.

Бейбарсов ухмыльнулся. У Ваньки мелькнула мысль, что вопрос был провокационным. Вероятнее всего, Глеб слышал имя дракона раньше.

– Ну никак так никак. Или тебя смущает: «Драконы и лошади интуитивно боятся и ненавидят некромагов»? – насмешливо процитировал Глеб.

– Считаешь, у них нет для этого оснований? – спросил Ванька.

Он торопливо соображал, с какой радости Тангро надумал проснуться. Кормил его Ванька по драконьим меркам недавно, всего сутки назад, и теперь должен был проспать не меньше недели. Особенно в морозы, с которыми у драконов всегда были неважные отношения. Оставить же Тангро в сторожке лесника Ванька не рискнул. Тангро был товарищ непредсказуемый и вполне мог подпалить сторожку, надумав, к примеру, погреться в раскаленных углях, к которым драконы питают слабость.

Заметив, что шея укутанного в полотенце дракончика коварно извернулась и голова нацелилась на Глеба, он быстро повернулся, спасая Бейбарсова от очередного раскаленного плевка. В этот раз плевков попал на картину с видом города Амстердама в майскую пору. В результате плевка город Амстердам с картины удачно сгинул, и остался один месяц май. Да и он угадывался в основном по названию.

- Странная вещь! - сказал Бейбарсов. - Эти твари не особенно умные, но многое чувствуют. Первые некромаги проходили инициацию, поедая драконьи сердца. Естественно, дракон после этого в некотором роде погибал. Милый такой народный обычай... Лошадям же приходилось даже хуже. По одному лошадиному сердцу некромаг должен был съесть ежегодно.

- И ты тоже ел?

- Ел, но мне не понравилось. Оно довольно жесткое, и в нем много сосудов всяких. Не разжуешь. Обезьяньи мозги, к слову сказать, вкуснее.

- Знаешь, - тихо сказал Ванька, - мне хочется тебе врезать!

- Ну так врезал бы. А то когда об этом говорят, дальше слов обычно дело не идет, - сказал Бейбарсов устало.

То небольшое оживление, которое было на его лице поначалу, теперь улетучилось и уступило чему-то мертвенному и неподвижному. Казалось, над Глебом сгустилось темное облако.

- А теперь давай поговорим серьезно! Ты, наверное, догадываешься, что я пришел не затем, чтобы болтать с тобой о лошадях! - вдруг жестко сказал Глеб.

Понимая, что полотенце его долго не удержит, Ванька запер Тангро в ванной, набрав в раковину воды. Тангро любил плескаться и нырять, и Ванька по опыту знал, что вода должна его отвлечь.

Вернувшись, он устало опустился на кровать. Тело и мысли медленно оттаивали после ночи на морозе. Не будь в номере Бейбарсова, Ванька вырубился бы мгновенно, даже не раздеваясь.

- Чего тебе надо? – спросил он.

Нужно отдать ему должное, Глеб не стал блеять, мычать и шевелить пальцами. Ответ был мгновенный и краткий:

- Таню.

Ванька невесело усмехнулся. Не слишком оригинально.

- Я что, похож на Таню?

- По счастью, нет.

- Тогда чего тебе надо от меня? Моего разрешения?

Бейбарсов коснулся пальцем правой, скрытой от Ваньки щеки, вздрогнул и уронил руку.

- Я долго думал. Я не могу уйти. Таня не для тебя! – сказал он с усилием.

- Ты же вроде как ушел навсегда? Тогда, на поле? Все было так благородно и красиво. Институтки рыдали и плакали. И что теперь? Решил повторить фокус для закрепления пройденного? – спросил Ванька.

Лицо Бейбарсова не изменилось, но что-то подсказало Ваньке, что его собеседник уязвлен.

- Неправда. Я хотел уйти и ушел на самом деле, всерьез, но оказалось, этого нельзя было делать.

- Почему?

- Я не собираюсь перед тобой отчитываться. Таня не такая, какой кажется. Она не твоя! – резко произнес Глеб.

Ванька откинулся назад, но положение тела его не удовлетворило, и он привстал, переместив подушку между спинкой кровати и стеной. Глеб следил за ним с недоумением. Видимо, в его представлении Ванька должен был скрежетать зубами, заламывать руки и бить его, Глеба, по голове табуреткой. Ванька же испытывал только усталость и желание, выпроводив гостя, лечь спать. «Роковой юноша», то появляющийся, то исчезающий, вечно таинственный, как Монте-Кристо, его утомлял и казался гибридом Жоры Жикина и Пуппера в нарочито сломанных и модно подклеенных очечках.

- Ты не знаешь Таню! Она не такая! - повторил Бейбарсов.

- И какая же она? - спросил Ванька с любопытством.

Глеб задумался, подбирая слово.

- Она ведьма! - сказал он убежденно.

Ванька хмыкнул. В ведьмах он, как выпускник Тибидохса, понимал достаточно. Формально каждую волшебницу можно назвать ведьмой, и не ошибешься, но тут деление скорее нравственное. Да и Бейбарсов явно имел в виду что-то конкретное.

- Она не ведьма, - сказал Ванька.

- Я тоже думал про нее, как ты, но ошибался. Она ведьма! Поверь мне, потомственная! Ее прабабка раскапывала землю под виселицами, искала корни мандрагоры. Она же выкапывала трупы. А двоюродный дядя ее отца, Леопольда Гроттера? Знаешь, какое у него было прозвище? «Маг отравленное дыхание». Ему приносили портрет человека. Он дышал на него, и человек умирал, не болея, внезапно и скоропостижно. Я видел их! Я говорил с ними. Они согласны с тем, что Таня должна принадлежать мне... - На лбу Бейбарсова выступили крупные капли пота.

Ванька резко сорвался с кровати. Если это не бред сумасшедшего, то вывод напрашивается только один. Вывод ледяной и пугающий.

- Где ты их видел? - резко спросил Ванька.

Бейбарсов не ответил. Вместо этого он вскинул руку, будто хотел вцепиться в Ваньку, но лишь царапнул ногтями его по лбу. Казалось, это бесконтрольное движение неприятно удивило и самого Глеба. Он облизал губы и отступил на полшага, точно спасая Ваньку от себя самого на случай повторения буйства.

– Это случайность, – сказал он, тяжело дыша. – Ты должен отдать мне Таню. Отдашь?

Ванька засмеялся.

– Тебе не кажется, что Таня выбирает сама? Я могу подарить тебе пылесос, но не живого человека, – сказал он.

Бейбарсов нетерпеливо выдохнул через нос, как человек, вынужденный слушать глупости.

– Родной, кто же девушку слушает? Ее слышать надо, а не слушать. Она и сама-то обижается, когда делают так, как она говорит. Хочешь обидеть девушку – пойди у нее на поводу и поступи как она советует.

– Если ты такой умный и роковой, чего тогда ты у меня в номере прыгаешь? – поинтересовался Ванька.

Бейбарсов порывисто шагнул к нему.

– Ты все прекрасно понимаешь! Перестань вмешиваться! Отойти в сторону! Таня все равно тебя когда-нибудь бросит. С тобой ее удерживает лишь чувство вины. Ты ее старый друг, она знает тебя с детства, ты много для нее сделал. Но она тебя не любит.

– Думаешь, если я вдруг исчезну, она сразу прибежит к тебе? – задумчиво спросил Ванька.

На той половине лица Глеба, что была видна, метнулась тревога.

– О, нет! Я достаточно ее знаю. Она не придет. Не придет именно потому, что позову ее я. Ей проще будет достаться какому-нибудь Пупперу, который нужен

ей как пляжная панамка лютой зимой, чем вернуться ко мне. Она сама себя вконец запутает, будет рваться, страдать... Она не может без этого. Свет и мрак раздирают ее изнутри на две почти равные половины. Недаром Чума-дель-Торт стремилась получить ее тело... Дело не только в тех силах, что Танька у нее забрала. Там это знают.

Слух Ваньки цепко ухватил это случайно проскочившее там . Уже несколько минут личность Бейбарсова казалась ему раздвоенной. Будто их не двое было в комнате, а по меньшей мере трое. Причем третьей была не Таня, чье имя они так часто упоминали.

– Я все равно получу ее! Если тебя не будет, чувство вины перед тобой рано или поздно исчезнет, и она придет ко мне! – крикнул Бейбарсов.

Повернувшись, он вскинул руку на уровень груди Ваньки. Валялкину показалось, что длинный и тонкий, с отчетливым белым ободом ноготь на мизинце некромага уколол его сердце, точно оно не было защищено плотью и ребрами. Он ожидал смерти, но боль внезапно ушла, а рука Глеба задрожала и опустилась. На висках некромага Ванька увидел мелкие, бесконечно раздробленные, как шарики ртути, капли пота.

– Нет, не могу! Не получается. Зеркало Тантала связало наши судьбы! Убив тебя, я прикончу и себя тоже! – сказал Бейбарсов.

– Наши судьбы не связаны! – упрямо сказал Ванька, не желающий иметь ничего общего с Глебом. Сама эта мысль была омерзительной, точно ему предложили надеть чужое грязное белье.

Бейбарсов ухмыльнулся.

– Ты так считаешь? Ну в таком случае тебе сейчас и бояться нечего, – сказал он.

В руке у Глеба появился маленький, внешне нестрашный нож с деревянной ручкой и узким темным лезвием. С насмешкой глядя на Ваньку, Глеб раскрыл ладонь, немного помедлил и, по-прежнему не отрывая от Ваньки пристального взгляда, медленно провел диагональную кровавую черту от указательного пальца к мякоти.

Ванька стиснул зубы, ощутив тупую пульсирующую боль в руке. В первые секунды боль была совсем слабой, но с каждой новой пульсацией усиливалась. По пальцам в направлении ногтей наперегонки побежали красные капли.

Немного выждав, Бейбарсов подул на свою ладонь, и рана затянулась на глазах. Там, где она была, осталась лишь полоска розовой кожи. Зато у Ваньки кровь продолжала хлестать.

– Что, больно? У тебя будет заживать немного дольше. Ну да ты же у нас ветеринарный маг! Изобретешь себе компресс из мертвой коровы, – сказал Глеб с издевкой.

Ванька подумал, что даже в шутках Бейбарсова невольно тянет к дохлятине.

– Это ничего не значит, – сказал Ванька упрямо.

– Как это не значит?

– Плоть и дух существуют по разным законам. Повредивший плоти не повредит духу. Но не позавидуешь тому, кто в угоду страсти подчинил свой дух плоти. Он подобен скупцу, замурававшему себя среди золотых слитков в трюме тонущего корабля, – сказал Ванька.

Он сам не знал, кто или что заставило его произнести эти слова и откуда вообще пришло к нему это знание. Бейбарсов дернулся, точно его ударили хлыстом по лицу.

– Что спасает тебя самого от зеркала Тантала? Как ты сопротивляешься? У тебя есть обереги? Поделиться можешь? – быстро и жадно спросил он.

Ванька покачал головой.

– Да нет у меня никаких оберегов! – сказал он, и это было правдой.

Бейбарсов всматривался в него с недоверием.

– Быть этого не может! Мы давно должны были слиться. Стать чем-то единым, схожим. Но мы по-прежнему разные. Где ты берешь силы, чтобы сопротивляться?

Ванька рассеянно слушал Бейбарсова, вполне понимал смысл его слов, но воспринимал их отрешенно. Ему вдруг вспомнился отец.

В тот далекий уже день он заскочил в стеклянный магазинчик за пивом – начинал он всегда скромно – и, выходя, зацепил дверью молодого парня. Аргументы слова как-то очень быстро перешли в аргументы действия. Причем первым врезал, кажется, отец Ваньки, и не факт даже, что был прав. История рода Валялкиных об этом умалчивает, зато не умалчивает она о том, что у парня оказалось трое друзей. Отец же был один. Шестилетний Ванька в расчет не шел. Его магические дарования проявлялись на том этапе разве что в способности съесть ровно на сто сосисок и одно ведро манной каши больше, чем ему предлагалось.

Ванька стоял и смотрел, как дерется его отец. Один против четверых. Жилистый, сухой, отец смело шел навстречу ударам, уклонялся, подныривал, наносил ответные. Даже когда ему сломали нос, отец продолжал драться. Разве что чуть больше набычился и мотнул головой.

Никакого особенного чуда не произошло. Количество в очередной раз победило качество, и приема против лома не оказалось. Отца свалили, хорошо отпинали ногами и убежали. Потом отец с Ванькой ехали в машине «Скорой помощи». Отец откашливал кровь и все пытался встать, а медбрат и водитель орали на него, чтобы он не пачкал салон машины. Отец лежал на носилках и подмигивал Ваньке быстро заплывающими глазами. Все, мол, в порядке, не дергайся! Мы им показали!

Ванька плакал, но гордился своим отцом. Потом отец как-то неправдоподобно быстро покатился под гору и пропал с горизонта. Ванька же, хотя и продолжал носить его подарок – желтую майку, очень скоро разобрался: чтобы драться с кем-то внешним, нужно разовое мужество. Чтобы жить и драться с самим собой – нужно мужество ровное и постоянное.

Жизнь – это забег на длинную дистанцию. Не спринт, а марафон. Человек, забывший учесть эту мелкую деталь, подобен охотнику, который бестолково

выпустив все заряды в прыгающую по веткам синицу, оказался затем с пустым магазином перед шестью голодными волками.

Вспомнив о Бейбарсове, Ванька повернулся к нему. Тот, прищурившись, наблюдал за ним. Казалось, Ванькины мысли для него открытая книга.

– А она знает правду? Зачем нужна многоглазка? – невинно поинтересовался Глеб.

Ванька поразился точности, с которой был нанесен удар. Откуда Бейбарсову вообще известно, зачем он, Ванька, ночами носится на пылесосе над заснеженными лесами? Тане Ванька сказал, что многоглазка помогает зажечь огонь в погасших драконах. И это было не совсем ложью. Это была та самая полуправда, которая во много раз лукавее открытой и явной лжи.

Ванька давно понял, что такого, как Бейбарсов, можно обезоружить только предельной, фактически граничащей с юродивостью искренностью. Везде, где есть хотя бы намек на лукавство, Глеб будет чувствовать себя как рыба в воде. Нельзя обмануть некромага, чей дар сам по себе есть боль и ложь.

Зло – лукавая сила. Оно, как червь, не имеет нравственного позвоночника. Вечно кривляясь, оно пародирует добро и, умело действуя чужим оружием, улавливает слабых. Если поручить злу закрутить гайку, оно не откажется взять ключ, но либо недокрутит ее, либо перекрутит.

– Раз ты задал вопрос, значит, ответ тебе известен. Многоглазка убивает всякое лукавство, неискренность, актерство. Человек, вдохнувший ее запах, будет отчетливо видеть все силки и капканы зла. И правду от него уже не скроешь, – сказал Ванька.

– Что? Без магии уже никак Таньку удержать не можем? «Колдуй баба – колдуй дед! Дай мне Таньку на сто лет»? – поддразнил Бейбарсов.

– Многоглазка не обладает приворотной магией, – хладнокровно парировал Ванька. – Но она позволяет заглянуть человеку в сердце. Если снаружи человек герой, а в сердце у него гниль – это сразу станет видно, будь на нем хоть двойные латы. Хочешь вместе найдем многоглазку и встанем перед Таней? И пусть победит тот, кто ей действительно нужен.

Ваньке почудилось, что при слове «гниль» щека Бейбарсова дернулась. Он резко толкнул ногой столик. Столик всхлипнул и уронил на пол телефонный аппарат. «Пи-и-и-и-и!» – заплакала трубка. Бейбарсов посмотрел на нее, и трубка перестала ныть. В номере запахло жженым пластиком.

Ванька понял, почему Гробыня называла Глеба Бейсусликовым. В минуты, когда Бейбарсов представлялся себе особенно грозным, рот у него как-то комично приоткрывался и передние зубы поблескивали смешно, как у суслика. Едва ли зоркая Склепова, у которой на каждого из ее знакомых была собрана мысленная папочка компромата, упустила эту деталь.

Бейбарсов вновь неосознанно коснулся рукой щеки и на миг не то чтобы поморщился, но как-то внутренне посерел. Ванька взглянул на него с тревогой, испытал странное, его самого удивившее чувство острой жалости. Именно жалости, а не ненависти и раздражения.

Все же он был ветеринарный маг. Ветеринарные маги всегда ощущают болезнь острее обычных медиков хотя бы потому, что пещерный медведь редко внятно объяснит, где у него бо-бо и вследствие какого нравственного кризиса он лезет на стены.

– Что у тебя с лицом? – спросил он.

– Ничего, – резко ответил Глеб и отступил еще дальше в тень.

Единственная лампочка, горевшая в коридоре, мигнула и погасла. Ваньке вспомнился телефон. Знакомство бытовых приборов с Бейбарсовым не заканчивалось для них ничем хорошим. Равно, как и людей.

– Покажи!

– НЕТ!

– Я же ветеринарный маг. Я могу помочь!

– Я не животное!

– Болезни у всех примерно одинаковые. Давай я посмотрю!

– Это ты так думаешь. Я сказал: НЕТ! Не подходи!

Глеб рывком распахнул всхлипнувшую раму. В комнату ворвался ветер со снегом. Бейбарсов шагнул на подоконник, повернулся к Ваньке лицом и стал медленно крениться назад.

«Кончай дурить!» – хотел сказать Ванька, но ощутил в горле странную сухость и сдавленность. Такую сдавленность, будто не Бейбарсов собирался выпасть из окна, но и он сам, Ванька, должен был упасть вместе с ним.

Хоть он и знал, что некромаги не умирают, все же эти фокусы ему не нравились. Мгновенных телепортаций не бывает.

– У нас с тобой осталось двенадцать дней! Отдай мне Таню, и, возможно, уцелеешь сам, – крикнул Бейбарсов.

Он откинулся так далеко, что пытаться сохранить равновесие было бесполезно. Надо отдать Глебу должное, он и не пытался. Бейбарсов был так высокомерен, что даже не согнул колен. На краткий миг тело его повисло перпендикулярно стене, а затем пятки отделились от подоконника.

Мгновение – и Ванька перестал его видеть. Несколько секунд он прождал удара о землю, вообще какого-то звука, но ничего не было. Ваньке не хотелось подходить к окну, но он подошел. Когда он выглянул, ветер швырнул ему в лицо колючую горсть снега. Ванька увидел вдали порт, перечеркнутый суетливыми мазками деревьев, точно кто-то наспех расписывал ручку с черной пастой и занесенный снегом газон под окнами гостиницы.

И, разумеется, никакого некромага – ни живого, ни мертвого. Очередной обман и дешевый фокус. Ванька захлопнул раму с равной смесью раздражения и облегчения.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Горничная. У вас все нормально? Соседи слышали шум, а телефон в номере не отвечает.

– Я уронил стул, – ответил Ванька первое, что пришло на ум.

– Вам точно не нужна помощь?

– Ни мне, ни стулу, – заверил Ванька, озабоченно оглядывая порез на ладони и пытаюсь вспомнить, каким заклинанием можно остановить кровь.

У тех двух, что он знал, были серьезные недочеты. После одного, ориентированного на зверей, на заживленном месте выростала шерсть; другое же упорно восстанавливало строго четное число конечностей. В случае с отрубленной в бою рукой это бывает полезно, но тут-то случай не такой запущенный. Вздумай заклинание счесть пальцы конечностями, и у Ваньки станет либо четыре пальца, либо шесть.

– Если разбился графин – я уберу стекла, – продолжала горничная, обладавшая богатым воображением.

– Я сам, – повторил Ванька.

– Так он разбился или не разбился?

– Не разбился!

Горничная что-то пробормотала. Шаги удалились, недоверчиво замирая.

Ванька задернул шторы, сел на кровати и подогнул колени. Оттаивающий пылесос назойливо пах рыбой, и Ваньке пришлось выставить его за окно, чтобы не задохнуться. Как ни крути, а всесилие имеет побочные эффекты. Что касается магии, то это вообще один большой побочный эффект.

Собственные мысли представлялись Ваньке обрывками шпагата, которые он никак не мог связать в нечто единое. Теперь, после ухода Бейбарсова, визит Глеба напоминал Ваньке метания раненого зверя. Зачем Бейбарсов приходил? Что у него с лицом? Что это, наконец, за нелепый рассказ о прабабке и

двоюродном деде Тани? Где Глеб мог с ними беседовать?

«Я как-то охраняю Таню. Как – не знаю, но охраняю. Я стена, которую Бейбарсов не может перешагнуть до тех пор, пока я сам, лично, не открою ему ворота», – с неожиданной ясностью подумал Ванька.

В дверь забарабанили.

– Ну кто еще там? Я сплю! – крикнул Ванька.

Он был убежден, что это опять горничная, вернувшаяся с подкреплением, и не собирался открывать.

Расплавленная ручка двери поникла и закапала на ковер алюминиевыми слезами. В номер ввалился Бейбарсов. На плечах его пиджака белой перхотью лежал снег.

– Утренняя пробежка? Выпрыгиваем в окно, возвращаемся через двери? – сказал Ванька.

Не отвечая, Глеб попытался толкнуть его в грудь. Ванька, привыкший иметь дело со зверями, которые гораздо координированнее людей, слегка провернулся корпусом, и Бейбарсов, не сохранив равновесия, неуклюже пролетел в глубь номера и упал.

– Не грохочи! Тут где-то рядом радист сидит. Сейчас снова настучит, что у меня в номере шум, – предупредил Ванька.

Глеб зашевелился на полу и сел, не глядя на него.

– Я кое о чем умолчал, – резко сказал он. – Ты стал моей тенью! Не ты смотришь на мир моими глазами, но я сам начинаю смотреть твоими! Я шел сейчас по снегу и понимал, что с каждым шагом ненавижу тебя все сильнее. Я ненавидел тебя так, что мне хотелось кусать снег. Я не думал возвращаться, но вернулся.

– Сочувствую, – кивнул Ванька. – И чем мне тебя обрадовать? Повеситься в туалете?

Бейбарсов мотнул головой, демонстрируя, что не нуждается в скромных одолжениях.

– Ты слышал, я говорил про двенадцать дней? Я хочу, чтобы ты исчез до этого времени. Или пусть исчезну я.

– И что ты предлагаешь? Дуэль? Пожалуйста!

Бейбарсов взглянул на него недоверчиво. Он казался раздосадованным, что Ванька согласился быстрее, чем было произнесено им, Глебом, само слово.

– Да, дуэль. К сожалению, из-за зеркала Тантала обычная дуэль между нами невозможна. Фактически она превратится в парное самоубийство, – сказал Бейбарсов.

– И какой выход?

– Когда невозможна прямая дуэль – возможна дуэль опосредованная. Я думал об этом. Здесь неподалеку есть местечко, где встречаются упыри. Представь, что случится, если мы ворвемся туда посреди вечеринки и немного их разозлим?

Ванька даже представлять себе ничего не стал. Упыри устроены с лаконичной простотой. Два выдвигающихся зуба, прогнивший мозг и ненасытный желудок.

Ванька трезво оценивал свои возможности. С одним-двумя упырями он еще справится, но если упырей будет больше десятка и все ломанутся толпой – финал заранее предрешен. Некромаг Бейбарсов находится в более выигрышном положении, а раз так, то такую «опосредованную» дуэль сложно назвать честной. Честная дуэль подразумевает равные возможности.

Бейбарсов жадно всматривался в него.

– Согласен? Или струсил?

Слова «струсил» Глеб мог бы и не произносить. Унижающий других унижает прежде всего себя. Унизить никого другого он не способен по определению.

– Когда? – спросил Ванька.

Морща лоб, Глеб оглянулся на окно.

– Мальчик рвется умереть?.. Сейчас день. Упыри отдыхают и по злачным местам не шляются. А вот в час или в два ночи будет в самый раз. Они активные, голодные, на охоту еще не выходили. Самое идеальное время. Где-нибудь в двенадцать я прилечу за тобой. Идет?

– Идет, – сказал Ванька. – А теперь как писали в старых романах: « Попрошу вас выйти вон!»

На этот раз Бейбарсов не стал эффектно удаляться через окно. Он коротко поклонился и вышел довольно необычно для некромага его уровня – через дверь.

«А ведь он снова держался ко мне только одной щекой», – запоздало подумал Ванька.

Глава 3

РАТНАЯ МАГИЯ

В этой жизни нас постоянно, почти ежесекундно отвлекают от главного. Чаще это просто мелочные дела, пуржащие глаза рваными бумажками забот. Навязчивая мошкара, лезущая в рот и уши. Мы отвлекаемся, размахиваем руками в иллюзии прежде передавить мошкару, а после уж идти, но она все пуржит и навязчиво пристает, пока мы не превратимся в сплошную рану. Значит, надо просто идти, не обращая внимания на мошкару и не расчесывая укусов.

Сардапанал Черноморов

К утру ударил мороз, и утонувший в сугробах Тибидохс стал походить на вмерзшую в лед черепаху. Таня подошла к окну.

Буян было не узнать. Еще вчера с утра ботинки квасили в парке мокрую глину, сейчас же как-то разом, без перехода, установилась зима. Прозрачный сухой мороз при полном безветрии гулко сохранял звуки. Казалось, дыхание звенит, а скрип снега, вообще всякий случайный звук дробными горошинами раскатывается до самого побережья.

Опасаясь, что школа замерзнет, домовые спешили растопить печи. Теряя на лестнице поленья, они носились с охапками дров как угорелые. Из окна Таня видела, как из труб поднимается дым. Казалось, он оживляет все, к чему прикасается. Если смотреть сквозь дым, чудилось, что черепица на крышах шевелится, как драконья чешуя.

Усыня, Горыня и Дубыня, три тибидохских лоботряса, топтались у подъемного моста. От Поклепа они получили приказ отгрести от ворот снег. Усыня и Горыня худо-бедно трудились, то и дело прерываясь, чтобы растереть рукавицами отмороженные носы. Дубыня же, ухитрившись сломать о лоб Горыни изготовленную из целой мачтовой сосны лопату, за отсутствием орудия производства соскучился и стал бросать снежки.

Первым снежком он начисто снес сохранившиеся развалины сторожки Древнира, которым Сарданапал уже год как пытался придать статус памятника культурного наследия. Второй снежок безобидно сгинул в лесу, третий же неожиданно для хозяина (для ослов большинство подобных вещей всегда происходят неожиданно) высадил раму в личной комнате доцента Горгоновой.

Сообразив, что случилось, Дубыня охнул и, закрывая голову руками, понесся по парку, ломая деревья. Скрыться он не успел. Рассерженная Медузия выскочила на балкон, вскинула перстень, и безобразия прекратились за временным превращением Дубыни в червя.

Тане сама собой вспомнилась шутливая задачка для первого курса, придуманная Тарахом:

«Циклоп, находящийся в хорошей спортивной форме, может пинком отправить болонку на семьдесят метров, что в двести раз меньше количества волос в

бороде у лешего. Сколько зубов выбил Дубыня Горыне своей палицей и какова средняя длина дождевого червя?»

Таню охватило вдруг бесконечное неконтролируемое счастье. Оно было подобно внутреннему дуновению, точно один из вчерашних ветерков-мародеров забрался к ней в ухо и теперь выметал из нее тоску и дурное настроение.

Она бросилась к футляру, откинула крышку, схватила контрабас и смычок. Рваные звуки разлетались по комнате, непредсказуемо видоизменяя реальность. В комнате то мелькали фиолетовые цветы, то с потолка начинал накрапывать дождь, то из-под кровати доносилось тоскливое мычание.

Перстень Феофила Гроттера негодуяще закашлялся, отплевывая возмущенные искры. Это был намек, что Таня так толком и не научилась преобразать реальность, используя контрабас и смычок. В конце концов, маголодии, флейтой ли, не флейтой ли произведенные, – удел светлых стражей. Все же прочие, вторгаясь в их исконную область, подобны табуны коней, пришедших записываться в кружок выпиливания лобзиком.

Неожиданно вместе с женой появился поручик Ржевский, показал билет и чинно уселся на кровать, сложив на коленях руки.

– Мы пришли на концерт! Не прекращайте играть, маэстро! Мы есть, но нас все равно что нету! – сказал он.

Недолеченная Дама закивала, поднося к глазам лорнетку.

Не обращая на них особого внимания, Таня развлекалась с контрабасом до тех пор, пока Маша Феклищева, проходившая по коридору, не постучала в дверь ладонью и весело не крикнула:

– Эй! Кто там моих любимых кошечек пытается?

Таня опустила смычок. Уже возвращая контрабас в футляр, она обнаружила на дне гребень, который когда-то давно одолжила Милюле. Между зубцами застряла высохшая пиявка. Таня поклялась, что больше ничего никогда не даст Милюле.

С другой стороны, как можно не дать, когда тебя просят? Жадность – не заурядный порок, а бесплатная подписка на деградацию. Главный принцип жизни – отдать больше, чем берешь. Больше любви, больше внимания, больше сердечности. Дарить без надежды на ответный подарок и улыбаться, не стараясь получить возвратную улыбку. При всех других условиях пасьянс бытия не раскладывается.

Выпрямившись, Таня огляделась. Поручик Ржевский с Недолеченной Дамой исчезли. Должно быть, отыскиали себе другое развлечение. Под ногами что-то зашелестело. Таня обнаружила, что один из звуков контрабаса распахнул ящик стола, вытряхнув на пол его содержимое.

Пришлось все собрать, а собирая, пересмотреть. Конспекты. Тетради. Старые фотографии три на четыре и десять на пятнадцать, матовые и глянцевые, с которых сегодняшней выросшей Тане показывала язык прежняя озорная малютка Гроттер. На самых старых фотографиях она была еще с сероватой, похожей на шлепок гречневой каши родинкой на носу. За спиной ее маячила круглолицая Пипа с собранными в кучку глазками.

Последней Таня подняла с пола толстую пачку писем от настойчивого англосаксонского подростка Пуппера. Письма сохраняли запах фиалок, своей подозрительной устойчивостью наводивший на мысль, что Гурий прыскал бумагу приворотным одеколоном.

Сейчас купидоны из Англии прилетали к Тане не то чтобы редко, но с предсказуемо равным интервалом. Ощущалось, что писать Тане стало для Гурия привычкой, скрашивающей его размеренный быт. Иногда Таня представляла, что произошло бы, прими она однажды предложение Пуппера стать его женой. С одной стороны, Гурий обрадовался бы, а с другой – озадачился, кому он теперь будет писать по вторникам и субботам?

В субботних письмах Гурий обычно сообщал, что мечтает уйти из драконбольной команды и, отвоевав у самой доброй тети право на самостоятельность, зарабатывать рекламой реактивных метел и гонками на выживание. Ко вторнику жизнь вновь начинала устраивать Гурия, и он ставил Таню в известность, что из команды уходить не собирается, равно как и порывать с тетей, а вместо гонок на выживание намеревается заняться тренерской работой и благотворительностью, так как многие африканские гномики до сих пор не имеют зонтика над головой и собственного английского разговорника.

В финале письма Гурий всякий раз вежливо интересовался, не произошло ли в личной жизни Тани каких-либо полезных изменений.

Как-то Таня, не удержавшись, поделилась этим с позвонившей ей Гробыней.

– Прямо детский сад! Всем надо учить! – зевнула Склепова. – Ну ответь ему что-нибудь в духе: «Прости, дорогой! Я очень занята. Консервирую бледные поганки, читаю литературу по воспитанию кошки и едва ли могу быть тебе чем-либо полезна. Твоя Тэ».

Писать так Таня отказалась.

– Не могу. Жалко его. Буквы не поднимаются, – сказала она и больше в разговорах с Гробыней эту тему не поднимала.

Среди чопорных британских конвертов случайно встретила и забавная открытка от Шурасика, отправленная с помощью тиражирующего заклинания:

«Всех, имеющих гендерное, социальное, психосоциальное, профессиональное или какое-либо иное отношение к Восьмой Марте, поздравляю с упомянутым праздником. Ваш Шурасик».

Открытка была вполне в духе Шурасика. Вроде как и не поздравление, но одновременно поди докажи, что поздравления не было.

Закончив уборку, Таня взглянула на грифельную доску. В центре доски настойчиво мерцал вопросительный знак. Убедившись, что Таня его заметила, знак на мгновение превратился в укоризненный перст Медузии Горгоновой, погрозил Тане и растаял.

«Ратная магия!» – вспомнила Таня, бросая тревожный взгляд на часы.

Время еще было. Заглянув к Ягуну и договорившись встретиться с ним и с Лотковой за полчаса до одиннадцати, Таня прошла по галерее и оказалась там, где широкая мраморная спираль с застывшими, точно из морской пены вылепленными перилами, вела вниз, в подземелье.

Таня остановилась, размышляя, а затем стала быстро спускаться. Последнее время она частенько гуляла в подземельях. Ей нравились гулкая музейная сырость подвалов, неподвижность воздуха, глуховатое эхо шагов и весома округлость никогда не видевших солнца камней.

Когда Таня устала бродить, она зашла в одну из рукотворных пещер и присела на мраморную плиту. Во время последней магической войны в Тибидохсе размещался лазарет. Умерших нередко хоронили тут же, в подземных гробницах.

«Не обращайтесь внимания! Наша Гроттерша обожает бродить по кладбищам!» – услышала Таня далекий детский голос. Кто сказал это? Гробыня? Хотя какая разница, если это правда. Таня действительно любила магические кладбища. Перед спокойной мудростью, которая смотрела с каждой плиты, все сиюминутные заботы и проблемы казались смешными.

Таня сидела, впитывала тишину, слушала, как где-то падают капли, просачивающиеся сквозь толщу камня, и размышляла. Мыслей было много, и серьезных, но сменяли они друг друга бессистемно. Из темных влажных стен выплывали, вспыхивали и погасали лица.

Неожиданно что-то заставило Таню обернуться и всмотреться в стену. На расстоянии вытянутой руки в скале было вырублено углубление. Заглянув, Таня обнаружила внутри медный котел. Хотя огня под ним не было заметно, стенки котла дышали жаром. Внутри что-то озабоченно бурлило и пыхтело. Крышка подскакивала, и вообще выглядело все так, будто котел давно готов взорваться и ждет лишь зрителя.

– Абдулла! – окликнула Таня, решив узнать у всезнающего джинна, что это такое.

Как выпускнице Тибидохса, ей не составляло хлопот мысленно связаться с библиотечным джинном. Абдулла не отозвался, зато без всякой видимой связи откликнулся Гуго Хитрый. Его красные помидорные щеки зажглись на соседней плите. Судя по древней, на санскрите сделанной надписи, под плитой был похоронен темный маг, во время одного из неудачных ритуалов сожранный своей тенью.

– Приветствую тебя, Татиана! Почто ты с таким недоверием приглядываешься к своим тезкам? – с клоунскими ужимками произнес Гуго.

Таня с недоумением моргнула.

– С чего ты взял?

Гуго поправил парик и принялся наматывать его букли на палец.

– Ничего личного! Обобщение. Мне тут недавно пришло в голову, что у человека двойственное отношение к тезкам. С одной стороны, недоверчивое, потому как другой Андрей или другая Лена явно самозванцы и настоящий носитель этого имени только ты, а в то же время кажется, что только тезки его и понимают. Не так ли, Татьяна?

Таня засмеялась. Зная, что Гуго, как и Ягун, наделен даром болтать бесконечно, убаюкиваясь собственными речами, она решила немного его притормозить.

– Я, между прочим, звала Абдулла. Ты разве Абдулла? – спросила она.

Гуго последовательно оглядел себя, начиная с левой ноги, поразмыслил и предположил, что насколько он властен над фактами, Абдуллой он не является.

– А где Абдулла?

Гуго Хитрый заулыбался и, сделав характерное движение указательным пальцем над правым ухом, сообщил, что джинн ушел в астрал и обратно его следует ожидать только в сопровождении галдящей толпы муз.

– Ну что, выдергивать его? – предложил он.

Таня покачала головой. От рассерженного Абдуллы ответов не дождешься. Разве что свежее испеченных проклятий из заветной тетради.

– Я хотела спросить про этот котел, – сказала она.

Гуго перескочил на противоположную сторону надгробия. Мелькнули пышные банты на туфлях.

- Ого! Да это копилка Древнира! Кто ее тут поставил, интересно?

- Копилка? По-моему, это кипящий котел!

Гуго хихикнул.

- Ты опять попалась на внешность предмета, детка! В магическом мире все относительно. У фиалки может быть душа топора, вот только рубить ею дрова не советую! Дрова, увы, будут смеяться, а фиалка смертельно оскорбится. Если ты видишь копилку котлом, да еще кипящим, у тебя все крайне запущено.

- Почему?

Гуго Хитрый обернулся. Прodelал он это очень своеобразно, лентой наматавшись на надгробие.

- Потому что это копилка несовершенных добрых дел, несостоявшихся поступков, отыгранных назад благих намерений, неоказанной помощи, внутренней путанности и так далее. Копилка того хорошего и светлого, что могло состояться, но не состоялось. Однако все это, как ты понимаешь, никуда не исчезло и стало твоим долгом, который будет непрерывно накапливаться, пока его не заплатят.

- А если вообще не заплатят?

- Заплатят. Здесь или не здесь, но обязательно заплатят, - заверил ее Гуго. - Пока же каждый, кто смотрит в эту нишу, видит что-то свое. Такова была воля Древнира. У него тоже, увы, были долги.

- А что видишь ты?

Гуго вымученно улыбнулся и как-то слишком лихо дернул за букли свой парик.

– Да ничего! Только треснувшую глиняную копилку. Это потому, что в этом мире у меня никаких дел уже нет. Ни добрых, ни злых. Я старый несуществующий болтун из собственной книжки. Я потому и торчу в этом мире, что в том, другом, меня не ждут никакие особенные бонусы.

– Да ладно, не скромничай! – сказала Таня, остро ощутив в голосе Гуго горечь.

Гуго не ответил. Он вскинул голову, прислушался и, взмахнув руками, растаял. Таня вновь хотела позвать его, но внезапно к мерному звуку капель добавился новый, лишенный ритмичности и потому беспокоящий звук. Кто-то шел по коридору в ее сторону. Не желая ни с кем встречаться, Таня беззвучно отодвинулась в дальний угол, поджала колени и затаилась за надгробием.

Из полумрака Таня увидела Медузию и Великую Зуби. Чем-то огорченная Зуби смотрела себе под ноги.

– Я работаю ступенькой, и это чудовищно грустно. Хотя бы потому, что на тебя все время наступают, – недовольно произнесла она.

В пустом коридоре голос ее разнесся гулко и отчетливо.

– Ступенькой? – переспросила Медузия.

– Представь, что существует скала, на вершине которой ровное плато. Подняться на скалу можно только по вырубленной в скале лестнице. Тибидохс – такая лестница. Я – одна из ее ступеней. Тысячи учеников наступают на меня, берут мои знания, поднимаются ввысь и – исчезают на плато, которого я даже не вижу. Вниз не спускается никто. Да и зачем благодарить ступеньку? За что? За то, что наступил на нее? Они переросли нас и исчезли где-то там, наверху.

Пока Зуби говорила, они уже миновали нишу. Таня скорее услышала, чем увидела, что Медузия остановилась и всем телом повернулась к Зуби.

– Ну-ну! Что за детский сад? «Переросли» – громко сказано. То, что заяц прыгает на вершине горы, еще не означает, что заяц выше горы. В остальном же, дорогая, ты меня удивляешь! Благодарности ожидают только попрошайки, подсказавшие тебе название улицы, на которой сидят с протянутой рукой. И не

притворяйся, что не знаешь этого. У тебя обычная депрессия.

Великая Зуби не стала спорить.

– Ты всегда была рассудительной, Меди. Но не будешь же ты утверждать, что сама ничего не боишься? Особенно сейчас, после этого урагана, когда улетели драконы и явился тот, кому задолжал Древнир. Сразу три знака, один за другим – точно стук в дверь ночью! И Сарданапал, заметь, предвидел все еще раньше, если решился нарушить запрет и обучить магспирантов ратной магии!

Еще больше Таню изумил ответ Медузии. Слишком мало он походил на ее обычные, категоричные, точно в бронзе отлитые ответы.

– Я боюсь так давно, что устала бояться. Особенно сейчас.

Последние слова Медузии донеслись до Тани приглушенно. Шаги удалились. Таня не решилась выглянуть. Для нее так и осталось загадкой: знала ли Медузия, что она здесь, рядом, или была слишком погружена в свои мысли, чтобы заметить ее.

«А ведь они люди... такие же, как и мы. Такие же сомневающиеся, мятущиеся, с такими же слабостями... И тоже не всегда знающие, что, зачем и почему», – подумала Таня с внезапным ощущением близости.

Это было странное ощущение. Тот, кто пять лет назад казался непогрешимым и бесконечно мудрым, теперь виделся совсем иначе. Идеализм восприятия исчез, уступив место ощущению равенства. Первый вернейший признак взрослости, который при лучшем раскладе останется лет на десять. В худшем же – навсегда.

«Сарданапал собирается обучать нас ратной магии! А теперь вот и Медузия говорит о чем-то непонятном!» – подумала Таня. Эта простая, всего из двух звеньев, логическая цепочка завершалась выводом, который не мог не беспокоить.

* * *

С Лотковой и Ягуном Таня встретилась в «светлой» гостиной Жилого этажа.

– С ума сойти! Из нас растят военщину! И, самое неприятное, в такую рань! – зевая, жаловалась Лоткова.

Катя только что проснулась и выглядела крайне недовольной. Одиннадцать часов утра, по искреннему представлению Лотковой, было время, когда вурдалаки еще не улеглись в могилы и лишь ранние петухи мало-помалу продирают свои бройлерные очи.

Сейчас Лоткова сидела в кресле и пыталась сфокусировать взгляд на чашке с кофе. Одета она была довольно небрежно, скорее в Танькином, чем в своем стиле. Джинсы, водолазка, волосы в торопливом пучке.

«Гроттерианское течение мировой моды. Берем из шкафа, что первое на нас падает, и нацепляем на себя в произвольном порядке», – прокомментировала бы Склепова.

Таня не без зависти подумала, что Катя ухитряется быть красивой всегда. Даже с утра после бессонной ночи или вусмерть простуженная, Лоткова все равно останется хорошенькой, не прикладывая к этому и минимальных усилий. Ягун утверждал, что свались Лоткова с пылесоса без подстраховочного заклинания – она стала бы самой красивой раненой в мире, не больше и не меньше.

– И зачем нам эта ратная магия? – стонала Катя.

Ягун воинственно запунцовел ушами.

– А затем, что каждый рано или поздно столкнется с уродами. Должен же он им как-то противостоять?

Лоткова зевнула еще раз.

– Я с одним уже столкнулась. И что? Теперь я с ним встречаюсь! – с явным вызовом заявила она.

Таня настороженно оглянулась на Ягуна. Ей было совершенно очевидно, против кого этот выпад. Вот только Ягун сделал вид, что ничего не услышал, хотя такие локаторы, как у него, не могли пропустить что-либо.

– Катюш, ты сегодня более-менее свободна? Ну после ратной магии? – ласково спросил у нее Ягун.

Лоткова настороженно подняла бровь.

– А что?

– Только тебе, лучшей девушке в мире, наделенной не только красотой, но и умом, я могу поручить безумно важную вещь, с которой никто больше не справится! Ты не согласишься быстренько смотаться на Лысую Гору и купить мне сверхзвуковую насадку для трубы пылесоса?

– Клоун!

Ягун не обиделся.

– Твой ответ надо понимать как «да» или как «нет»? – уточнил он.

Лоткова смягчилась:

– Как «я подумаю!» А вообще ты жулье! Тебе нельзя доверять!

Играющий комментатор удовлетворенно кивнул.

– Во-во! Это к вопросу о всеобщей подозрительности. Учи людей не доверять жулью, и как раз жулью они будут доверять, а вот доверять хорошим людям не станут. Так что лучше доверять всем без разбора, так уж точно не ошибешься. Лучше перекрыкать, чем хрюкнуться.

Озвучив эту истину, Ягун сложил ладони биноклем и одну его часть направил на Гроттер, а другую – на Лоткову.

– Раз все в сборе – можно отправляться на ратную магию. Кроме нас троих, никто из аспирантов вызова на занятия ратной магией не получал! – сообщил он.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Лоткова.

Играющий комментатор высунул язык и попытался дотянуться до кончика носа. Не хватило самое большее сантиметра. Немного пригнув пальцем нос, Ягун добился желаемого.

– Познакомься с моим лучшим другом, который доводит до Киева даже тех, кому надо в Москву! Он спросил, а я услышал! – заявил он.

Ровно в одиннадцать они нерешительно заглянули в Битвенный Зал. Раньше Тане не случалось здесь бывать. В годы, когда они с Ягуном и Ванькой ночами бродили по школе, на дверь было наложено заклинание, с которым не смогло справиться даже патологическое любопытство.

Битвенный Зал оказался длинным и узким. Две широкие полосы – белая и темная, выложенные из каменных плит, разделяли его на три неравные части. Сводчатый потолок синел где-то высоко и точно ребрами пересекался широкими деревянными балками. Через маленькие полукруглые окна во внутренней стене доносился задорный стук маленьких молоточков о наковальни. Там была кузня домовых.

– Эй, есть тут кто? – жизнерадостно завопил Ягун.

У дальней стены вспыхнул круг голубоватого света. Таня увидела Сарданапала. Академик сидел на трехногом табурете и, положив на колени руки, смотрел на них.

– Доброе утро! Как настроение?

Лоткова начала было что-то говорить, но академик быстрым движением ладони отвел слова от ее губ.

– Вопросы, содержащие слова «ратная магия» и «зачем», лучше не задавать. Зал, в котором вы находитесь, имеет мрачную историю. Когда-то здесь проводились дуэли между светлыми и темными магами. В большинстве случаев дуэли заканчивались смертью одного или обоих противников. Постепенно дуэли были запрещены, а древняя наука ратной магии – искусство нести смерть и защищаться от нее – выхолощена до так называемой «магии разумной самозащиты». Все наиболее смертоносные заклинания заботливо убрали,

оставив лишь необходимый мизер. Последние четыре сотни лет ратная магия не преподается, хотя кое-кто – ваш покорный слуга, например, – еще не успел ее забыть.

– И решили научить нас? – спросила Таня.

Точнее, собиралась спросить. Она совсем забыла, что маги высокого уровня слышат многие вопросы раньше, чем они были заданы.

Углы рта у Сарданапала дрогнули.

– Скажем так: возникла печальная необходимость.

– Что-то серьезное?

Академик не ответил, лишь быстро взглянул на Таню и опустил глаза.

– Больших результатов я не ожидаю, но и маленький результат тоже результат. Разумеется, все должно остаться в тайне. Если в Магшестве станет известно, что глава Тибдохса обучает аспирантов ратной магии, меня отправят в Дубодам, а в моем кресле окажется хорошо замороженный, умеренно подштопанный и абсолютно лояльный властям мертвяк.

Убедившись, что его слова услышаны, Сарданапал встал и остановился перед чертой. Присев на корточки, он задумчиво, точно перелистывая страницы памяти, провел пальцами по выщербленным черным камням.

– Видите черту? За ней во время дуэлей стояли темные маги. Светлые находились у другой черты, из белых камней. Сближаться и перешагивать барьер запрещалось. Видите каменный круг в центре? Он блокирует все виды магии. Струсивший дуэлянт мог шагнуть в него и спастись. К чести магов, светлых и темных, сдавшихся фактически не было...

– Что, совсем? – усомнилась Лоткова.

Сарданапал кивнул. Его усы отважно вздыбились и кончиками взвились к потолку. На зоркую Таню дохнуло поручиком Ржевским.

– Встаньте к светлой черте! К барьеру, господа аспиранты! Начнем! – возгласил академик.

Первым к барьеру шагнул воодушевленный Ягун, за ним Таня и, наконец, Лоткова. Встав на белые камни, Таня ощутила исходящее от них тепло. Перстень Феофила Гроттера запульсировал и, быстро пьянея, стал жадно питываться силой.

«Ну все! Сейчас начнется!» – поняла Таня, зная, что ее дедуля склонен к энергетическому вампиризму.

– Здравствуй, моя Мурка! Здравствуй, дорогая! Здравствуй, да-а-арагая и пра-ащай! – заголосил перстень, вразнобой выстреливая слабые зеленые и красные искры.

Сарданапал погрозил Тане пальцем. Та растерянно развела руками, показывая, что не виновата.

«Теперь понятно, почему на дуэлях было так много смертельных случаев: это место буквально распирает от внешней магии... А, ну да! Тут же двумя уровнями ниже Жуткие Ворота!» – поняла она.

– Ты зашухарила всю нашу малину и теперь маслину получа-ай! – завопил перстень Феофила Гроттера и без предупреждения выстрелил в Сарданапала двумя искрами размером с кулак.

Остановить искры Таня не успела. Она смогла лишь вскрикнуть, предупреждая Сарданапала об опасности. Академик сделал быстрый шаг в сторону и, прошептав отвод, заставил искры врезаться в стену. Дважды ослепительно полыхнуло. В камне образовалась глубокая выбоина.

– Птыц! Птыц! Что, собака, страшно? – пьяным голосом произнес фамильный перстень Гроттеров.

Таня поспешно спрятала руку с кольцом за спину.

– Это не я! Дедуля насосался энергии, и теперь его заводит! – пояснила она академику и изумленной до крайности Лотковой.

Сарданапал понимающе кивнул. Кожа у его глаз прорезалась лукавыми морщинками.

– Бывает. Феофил и при жизни отличался вспыльчивостью. Однажды он вызвал меня на дуэль, когда я случайно прищемил ему дверью палец. Пока Древнир нас мирил, Феофил и с Древниром повздорил, придравшись, что Древнир якобы использовал фразу из его докторской диссертации. И знаете какую? «А теперь, дорогие коллеги, мне бы хотелось пригласить всех на скромный дружеский банкет»!

– Древнишка – подлый вор! Я бы промолчал, но еще он украл у меня латинскую цитату: «Pereant qui ante nos nostra dixerunt!» [2 - Пусть погибнут те, кто раньше нас высказал наши взгляды (лат .).] – с негодованием заявил перстень.

– Латынь принадлежит всем, Феофил! – мягко напомнил академик.

– Пусть всем, но надо же и совесть иметь! Но так и быть, прощаю! В списке людей, которые нагло у меня сдирали, Древнир значится под номером десятым, сразу за Сервантесом, Пушкиным и Достоевским! И ты, Сарданапалка, там тоже есть! – непреклонно заявил перстень.

Смущенный академик пробормотал, что не собирается спорить с упрямым стариканом, однако заметно было, что он уязвлен. Ехидный Ягун незаметно толкнул Таню ногой.

– А теперь начинаем! Нападайте на меня! – приказал Сарданапал.

– Какими заклинаниями? – жадно спросил Ягун.

– Какими угодно! Хоть из списка ста запрещенных! Наши недоученные студентки только их и знают. Медузия давно настаивает, чтобы в список запрещенных внесли всю школьную программу. Тогда, может, хоть кто-то будет что-то знать.

Играющий комментатор встряхнул свой перстень. Подумать только: атаковать самого Сарданапала! Да об этом можно рассказывать потом годами!

– Я готов! Нападать всем сразу или по очереди? – уточнил он.

– Сразу! Ну! – в голосе Сарданапала слышалось нетерпение.

Переглянувшись с Лотковой, Ягун решительно атаковал академика усиленной формой Искриса фронтиса – Искрисом фронтисом дублицио, в то время как Катя, неожиданно осмелев, брякнула черномагический Вспышкус гробулис, который иногда срабатывал и у светлых магов.

Таня пока медлила, смущенно поглядывая на свое полупьяное от негодования кольцо. Она не без оснований опасалась непредсказуемых поступков от деда.

Сарданапал позволил искрам подлететь, быстро вскинул руку, что-то прошептал, и обе атакующие искры, потеряв скорость, были втянуты его кольцом.

– Как вы это сделали? – воскликнула Таня.

– Экспроприациум магистикус – прекрасное заклинание! Отнимает энергию у агрессора, отдавая ее тому, кто защищается. В то время как ваши перстни отдали часть своей магии и временно ослаблены, мой получил то, что они потеряли. Единственное противопоказание: в день применения Экспроприациум магистикус нельзя надевать ничего красного. И есть ничего красного тоже нельзя. Одна ягода клубники или красная полоска на носке, и вас вывернет наизнанку в самом буквальном из всех возможных смыслов, – пояснил академик.

Ягун с восторгом внимал его словам.

– Заклинание перехвата! Дешевый фокус! Как-то я слышал о китайце, который ловил стрелы зубами. Но когда в него пустили пять стрел подряд, третью он поймал сердцем, четвертую лбом, а пятую селезенкой! – презрительно заявил перстень Феофила Гроттера и выдал целую серию смертоубийственных заклинаний:

– Тошнилло-колотилло-страдалло! Кишкониус заворотум! Трых-ты-ты-ты-ты-тыхс!

Однако прежде чем полыхающие искры, скользящие по ободу перстня, устремились к Сарданапалу, академик шепнул:

– Маньякус клептоманум!

Искры, так и не успевшие отделиться от перстня, погасли. Скрипучий голос старого Феофила смолк. Напрасно Таня, Лоткова и Ягун выкрикивали заклинания. Глава школы Тибидохс, скучая, прогуливался по черте, разглядывая потемневшие балки.

– Не получается? Проверьте перстни! – посоветовал он.

Ягун уставился на свое кольцо.

– Да вроде нормально. Искры, что ли, слабые?

– Слабее не бывает... – согласился академик и мягко посоветовал: – Кольцо-то потрогай!

Играющий комментатор осторожно ощупал палец.

– Мамочка моя бабуся! Это морок! – завопил он.

Академик подождал, пока Таня с Лотковой убедятся в том же самом, и разжал ладонь.

– Можете забрать! Мне чужого не надо! – сказал он.

Свой перстень Таня узнала сразу. Два других явно принадлежали Лотковой и Ягуну.

– Итак, что мы видим? – лекторским голосом произнес Сарданапал.

– Последствия клептомании! – сказал Ягун.

На взгляд Тани, шуточка переваливалась за грань допустимого, однако академик неожиданно воодушевился.

– Тепло, очень тепло! Почти горячо! – воскликнул он в педагогическом экстазе. – Заклинание Маньякус клептоманум поможет отнять у противника кольцо, поместив на его место временно существующий морок. Гениально, не правда ли? Чтобы победить врага, его необязательно убивать! Есть, правда, одно «но». Не у всех врагов есть кольца. Если же колец нет, то и отнимать нечего! Так или не так?

Таня и Ягун переглянулись. Академик обожал риторические вопросы: «Верно или неверно?», «Правильно или неправильно?», «Так или не так?». Порой Таню подмывало сказать «не так» и посмотреть, какой эффект это возымеет. Однако она почему-то всегда отвечала: «так» и «да». Вот и сейчас Таня в очередной раз «такнула».

– Есть и другое «но»! Заклинание маньяков, как называет его Меди, отнимает много сил. Ночью может болеть голова. И еще: оно срабатывает только, если у вас нечетное количество противников. Если четное – вы можете навеки лишиться собственного перстня. В остальном же оно довольно безобидно, – предупредил Сарданапал.

– А запретили-то его почему, раз оно безобидно? – спросил Ягун.

– Сам подумай! – предложил академик.

Ягун думал недолго.

– А, ну да! Представляю, что творилось бы в коридорах! Только и выясняли бы, кто у кого увел перстенок. Наши юные клептоманы маньячили бы по полной, – заявил он.

– Совершенно верно. Учитывая же обычные проблемы нашей молодежи с устным счетом в состоянии возбуждения и лошадиного галопа между лекциями, через две недели на младших курсах не осталось бы и трех перстней, – подтвердил

Сарданапал.

Академик дождался, пока кольца вернутся на пальцы хозяев, и продолжил:

– А теперь разберем практическую ситуацию. Представьте: вы идете по лесу и на вас из засады нападает целая шайка. Причем шайка не однородная, а смешанная: хмыри, вампиры, мавки, чародеи, мертвяки. Все тут.

– А чем вооружены? – деловито осведомился Ягун.

– Магия, холодное оружие, зубы, когти – все сразу. С вами не церемонятся, не вступают в переговоры – просто сосредоточенно убивают. Нет времени вопить «караул!» или переводить кольцо с одной цели на другую. Никакое кольцо, как известно, не сможет выбросить десять искр за секунду. Ваше решение!.. Да-да, ваше!

Обнаружив, что добровольных желающих нет, палец академика нацелился в грудь Ягуну.

– Кто, я? – удивился Ягун. – Меня не грузить! С головенкой у меня отношения и без того очень факультативные! Ну ладно-ладно, пошутил... Заклинание невидимости? Ослепляющая искра? Замораживающая? Телепатическое внушение? Ну типа: пчик ! – и вместо меня всем мерещится свежеразбуженный циклоп с двухсторонней секирой! Э-э?

Таня покосилась на Ягуна с уважением. Играющий комментатор никогда не признавался, что чего-то не знает. Когда надо было отвечать (а Ягун редко готовился к занятиям и экзаменам), он с важным видом выпаливал вариантов пять-десять, зорко глядя на преподавателя и по движениям его бровей пытаясь уловить правильное течение мысли. Срабатывало это почти со всеми, кроме Медузии.

Академик отнесся к плану Ягуна скептически.

– Сразу видно, что у тебя опыт только школьных драк! В настоящей битве нет времени мудрить! Тебя сбивают с ног, нападают со спины, забрасывают искрами, рвут зубами на части. И все в один миг! Непонятно, ни сколько врагов, ни кто

они. Ну появится перед ними циклоп с секирой – прекрасно! Они прежде разорвут его на части, а потом уже разберутся, что это был совсем не циклоп. А если на тебя напала нежить или банальные зомби? Ты думаешь, что заморозил их или ослепил – а они тебя тесаком до зубов... Не зачтено! Теперь твоя версия, Катя!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Не уступающий и множеству (лат.). Девиз французского короля Людовика XIV.

2

Пусть погибнут те, кто раньше нас высказал наши взгляды (лат .).

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-boltlivyy-sfinks

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)